

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

82

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1907.

ПРОДАЕТСЯ У КОМПІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; М. В. Ключина въ Москвѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Е. П. Распопова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; у Г. Люзанъ и Комп. въ Лондонѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

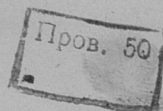
Цѣна этого тома Сборника 2 рубля 50 коп.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1907 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1906 годъ, составленный къ торжественному засѣданію Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1906 года академикомъ <i>Н. П. Кондаковымъ</i>	I и 1—62
Карансебешскій Октоихъ второй половины XIII вѣка. Тексты, описаніе рукописи и снимки. Посмертный трудъ <i>П. А. Сырку</i> , съ предисловіемъ <i>А. И. Яцимирскаго</i>	№ 1. XIII и 1—60
Изъ переписки Румынскихъ Воеводъ съ Сибинскимъ и Брашовскимъ магистратами. Тексты 28 славянскихъ документовъ валашскаго происхожденія XIV—XVII вв., городскихъ архивовъ Сибина и Брашова и Брюкентальскаго музея въ Сибинѣ. Посмертный трудъ <i>П. А. Сырку</i> , съ предисловіемъ <i>А. И. Яцимирскаго</i> . № 2. XXXVIII и 1—35	
Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1905 году. [Рецензіи на труды: <i>С. К. Булича</i> — <i>А. С. Будиловича</i> , <i>Е. И. Соколова</i> — <i>И. А. Бычкова</i> , <i>Н. Н. Дурново</i> — <i>Н. М. Каринскаго</i> и <i>А. И. Яцимирскаго</i> — <i>Хр. М. Лопарева</i>].....	№ 3. II и 1—53
<i>Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности. I—XXIII</i>	№ 4. VI и 1—168
<i>С. Малевичъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни</i>	№ 5. II и 1—194
Отчетъ о присужденіи премій имени графа <i>Д. А. Толстаго</i> въ 1906 году. [Рецензіи на труды: <i>П. Г. Васенка</i> — <i>А. И. Соболевскаго</i> , <i>А. М. Лукьяненко</i> — <i>И. В. Яича</i> , <i>Я. Трусевича</i> — <i>Е. О. Карскаго</i>].....	№ 6. II и 1—40

- П. К. Симоны.** *Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 г. для Ричарда Джемса* на крайнемъ сѣверѣ Московскаго царства. 1) Съ полнымъ снимкомъ и текстами всѣхъ шести пѣсенъ по подлинной рукописи, хранящейся въ Оксфордѣ и 2) съ приложеніемъ чтенія пѣсенъ акад. **О. Е. Корша** съ отмѣтками указаній касательно ритмическихъ ихъ особенностей... № 7. 7, XII и 1—29
- Е. О. Карскій.** *Матеріалы для изученія Бѣлорусскихъ говоровъ*, Выпускъ V..... № 8. I и 1—67

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXII.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1906 годъ,

СОСТАВЛЕННЫЙ
АКАДЕМИКОМЪ Н. П. Кондаковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

СВОДЪ

ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ТОМЪ LXXXII

ОТДѢЛЪ О ДРЕВНѢЙШЕЙ

ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1907 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

37 1906 г.

СОСТАВЛЯЮЩИЙ

АКАДЕМИКЪ Н. П. РОНДЪКОВЪ

КАНИКЛЕВЪ

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

1906

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1906 годъ,

составленный къ торжественному засѣданію Императорской Академіи
Наукъ 29 Декабря 1906 года

Ординарнымъ академикомъ **Н. П. Кондаковымъ.**

Истекшій годъ закончился для Отдѣленія особенно тяжелыми утратами: скончались предсѣдательствующій членъ Отдѣленія Александръ Николаевичъ Веселовскій, почетный академикъ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, члены корреспонденты Отдѣленія: Маринъ Степановичъ Дриновъ и Франтишекъ Бартошъ.

Александръ Николаевичъ Веселовскій былъ членомъ нашего отдѣленія съ 1877 года, предсѣдательствующимъ съ 1901 г. и профессоромъ Петербургскаго университета съ 1870 года. Утрата его живо почувствована не одною русской, но и всею европейскою наукою. Онъ сталъ европейскимъ ученымъ уже съ 1867 года, когда появился въ свѣтъ его первый крупный трудъ, посвященный открытому имъ во Флорентійской библіотекѣ итальян-

скому роману XV вѣка (*Il Paradiso degli Alberti ritrovie ragionamenti del 1389 romanzo. . .*). Еще въ юности горячая склонность къ литературѣ и ученымъ ею занятіямъ, живое вліяніе Буслаева и природное влеченіе къ интеллигентнымъ центрамъ привели его во Флоренцію, ожившую въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, для новаго руководства освобожденной Италіею, но еще полную древнихъ традицій эпохи Возрожденія, богатую памятниками и книжниками.

Подобно своему, столь же незабвенному въ лѣтописяхъ русской науки, учителю Буслаеву, Веселовскій съ молодыхъ лѣтъ отличался замѣчательной разносторонностью своихъ знаній, съ самаго начала ученыхъ работъ, совмѣстивъ въ своемъ лицѣ и знаніе всѣхъ европейскихъ языковъ и ихъ литературъ, языковъ классическихъ, и также ихъ литературы и постепенно охватывая въ своихъ необычайно обширныхъ научныхъ темахъ самые разнообразные средневѣковые языки и діалекты и обширную область фольклора. Но особенно удачнымъ можно считать выступленіе нашего замѣчательнаго ученаго на свое поприще именно по этому выбору самаго матеріала для своихъ занятій. Покойный ученый до послѣднихъ годовъ своей жизни сохранялъ живой интересъ къ итальянской литературѣ эпохи Возрожденія и ея научной разработкѣ. Кромѣ цѣлаго ряда статей, рѣчей, лекцій, общихъ обзоровъ по этому предмету, Веселовскій посвятилъ ему сочиненіе въ двухъ томахъ: *Боккаччо, его среда и сверстники*, большой вполне самостоятельный трудъ, который одинъ могъ бы составить имя любому ученому въ любомъ европейскомъ государствѣ. Но, кромѣ того, въ видѣ введенія къ этому изслѣдованію, Веселовскій издалъ по истинѣ классическій переводъ Декамерона Боккаччо; специально изучалъ стихотворенія Петрарки и оставилъ нѣсколько трактатовъ и статей по эпохѣ Ренессанса, итальянскимъ новелламъ, Данту и символической поэзіи. Но на этихъ и имъ подобныхъ работахъ только воспитывался его ученый анализъ, создавшій ему славу на научномъ, гораздо болѣе обширномъ поприщѣ. Веселовскій явился инициаторомъ, правда, не одиноч-

нымъ, а въ тѣсной связи съ другими учеными европейскаго запада, но особенно виднымъ трудолюбивымъ работникомъ по предмету сравнительнаго изученія средне-вѣковой европейской литературы.

Что особенно слѣдуетъ оцѣнить въ исторіи этой научной инициативы—трудность ея появленія въ русской литературѣ, которая въ 60 и 70 годахъ едва только успѣла ознакомиться съ направлениемъ Буслаевской школы. Едва только была въ то время установлена и признана въ своихъ законныхъ правахъ народная словесность, сравнительная мифологія, литература книжныхъ сказаній, легендъ, былинъ и духовныхъ стиховъ и только въ 50 и 60 годахъ наука ознакомилась съ богатымъ содержаніемъ этой литературы и сдѣлала первыя обобщенія. «Буслаевъ, — такъ говорилъ самъ Веселовскій, — далъ мнѣ интересъ къ Гриммовскому направленію въ приложеніи къ изученію русско-славянскаго матеріала; но нѣкоторыя стороны дѣла, постановка мифическихъ гипотезъ и «романтизмъ народности» никогда меня не удовлетворяли. Съ другой стороны, у меня сложился интересъ къ культурно-историческимъ вопросамъ.... Изученіе историческихъ отношеній ослабило вѣру въ состоятельность мифологическихъ гипотезъ». Этотъ историческій анализъ указалъ Веселовскому на необходимость пересмотра всего состава народнаго преданія, мифа, книжнаго сказанія, необходимость расположенія всего этого матеріала по хронологіи народной жизни и ходу письменности, слѣдовательно, опредѣленія источниковъ.

Эта обширная и сложная аналитическая задача стала трудомъ всей его жизни и мы, озирая весь громадный трудъ, исполненный покойнымъ, можемъ сказать, что Веселовскій выполнилъ его съ великою для себя честью и европейскою заслугою... Уже первая работа Веселовскаго, посвященная анализу содержанія книжныхъ и устныхъ странствующихъ повѣстей: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада» связываетъ между собою индѣйскія повѣсти, талмудическія ле-

генды евреевъ, кельтскій романъ о св. Гралѣ, нѣмецкую поэму и апокрифическіе древне-русскіе тексты. Слѣдомъ шли «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды» (1875—1877 годы), охватывающіе на глазахъ читателя всѣ литературы стараго міра, всевозможные тексты на разныхъ языкахъ, самыя разнообразныя легенды, сказки и повѣрья. Здѣсь изданы по рукописямъ, въ цѣломъ рядѣ, новые списки любопытныхъ и важныхъ апокрифовъ, но, главнымъ образомъ, выполнены сближенія и документальныя выводы, освѣщающіе исторію и ходъ литературныхъ памятниковъ. Грандіозныя «Розысканія въ области духовныхъ стиховъ», печатавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1879—1891), представляютъ самое замѣчательное разнообразіе темъ и матеріаловъ и занимаютъ уже не только литературными памятниками, пѣснями и легендами, но также бытовыми явленіями древне-русской жизни, святочными обычаями, скоморохами, вѣрованіями и обрядами. 80-е годы были временемъ особенно напряженной ученой дѣятельности Веселовскаго. Одновременно съ «Розысканіями», въ 81 въ 84 гг. онъ издалъ изслѣдованіе о «Южно-русскихъ былинахъ», большой трудъ въ двухъ томахъ «Изъ исторіи повѣсти и романа», посвященный сагѣ и роману объ Александрѣ Македонскомъ, повѣсти о Троянской войнѣ, роману о Бовѣ и пр. Въ этихъ трудахъ Веселовскій привлекаетъ къ сравненію литературу востока и запада, древности и средневѣковья, выдвигаясь изъ среды западныхъ ученыхъ съ большою для себя выгодною въ томъ, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи матеріалы древнеславянской литературы и русской, а также византійской. Занявшись извѣстнымъ легендарнымъ преданіемъ, или даже однимъ любопытнымъ предметомъ, онъ привлекаетъ къ ихъ объясненію сравненія, взятые изъ византійскаго житія, канона, западной легенды, саги, средневѣковой поэмы, восточнаго сказанія, румынской или ново-греческой пѣсни, преданія русскихъ инородцевъ. Было бы трудно перечислить всѣ виды литературы и словесности, имъ введенныя, какъ матеріалъ, въ его работу, начиная отъ произведеній собственной литературы, романо-германскаго эпоса,

византійскихъ сказаній, христіанскихъ легендъ, греческихъ апокрифовъ, греческихъ романовъ и повѣстей, балладъ и переходя къ записаннымъ всюду и внесеннымъ во всякаго рода письменные памятники сказкамъ, легендамъ и вѣрованіямъ, русскимъ, славянскимъ, румынскимъ, греческимъ, піэмонтскимъ, сицилійскимъ и пр. и пр. Даже одно внѣшнее, лѣтописное повѣствованіе научной дѣятельности покойнаго достаточно, чтобы оцѣнить его истинную любовь къ наукѣ и колоссальную эрудицію. Но русская наука должна будетъ сохранить о немъ навсегда благодарную память за его методо-логическія работы, которымъ онъ посвящалъ какъ обширные курсы по исторіи средневѣковой литературы нѣмецкой, французской и итальянской, такъ и обширные трактаты *о методѣ и задачахъ исторіи литературы, объ исторической поэтикѣ, объ исторіи эпитета, теоріи поэтическихъ родовъ* въ ихъ историческомъ развитіи. Повидимому, Веселовскій надѣялся оставить русской наукѣ большой трудъ и въ этой области, изложивъ въ немъ въ полнотѣ свои общіе и частные взгляды на задачи научной исторіи литературы. Веселовскому принадлежитъ важная заслуга основанія романо-германскаго отдѣленія на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго Университета и образованія школы специалистовъ изъ среды своихъ учениковъ. Два обширные *Указателя* научныхъ трудовъ покойнаго выяснили Отдѣленію настоятельную необходимость собрать во-едино и издать полное собраніе сочиненій Веселовскаго, воспользовавшись дополненіями и исправленіями ученаго въ принадлежавшихъ ему экземплярахъ его сочиненій. Желательно издать эти сочиненія въ систематической группировкѣ и сдѣлать обще-доступными тѣ статьи рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ журналовъ, которыя могутъ сыграть важную роль въ дѣлѣ научнаго руководства будущихъ ученыхъ. Въ самое послѣднее время въ Отдѣленіе поступило заявленіе сына покойнаго академика А. А. Веселовскаго, въ которомъ онъ представилъ Отдѣленію право издать полное собраніе сочиненій своего отца. Отдѣленіе съ благодарностью приняло предложеніе А. А. Веселовскаго и

постановило приступить къ изданію полнаго собранія сочиненій академика Веселовскаго при ближайшемъ участіи брата покойнаго поч. акад. Алексѣя Ник. Веселовскаго и его учениковъ, во главѣ съ Ѳ. Д. Батюшковымъ, Ѳ. А. Брауномъ и Д. К. Петровымъ.

Послѣдніе годы своей жизни Веселовскій посвятилъ новой русской литературѣ: таково его изслѣдованіе о Жуковскомъ, давшее этому писателю новое освѣщеніе. Покойный съ большимъ интересомъ относился къ поступившему въ Отдѣленіе архиву Тургенева и, повидимому, готовъ былъ перейти отъ Жуковскаго къ Пушкину, которому посвящена была его недавняя академическая рѣчь, но смерть стала передъ нимъ...

Покойный писатель, критикъ и археологъ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ былъ замѣчательно разностороннимъ въ своихъ научныхъ, литературныхъ, художественныхъ и общественныхъ интересахъ. Онъ писалъ и по исторіи литературы и по исторіи искусства, и по новому искусству, особенно русскому, и по музыкѣ, но центромъ тяжести въ литературной дѣятельности покойнаго были его археологическія работы. В. В. Стасовъ во всю свою шестидесятилѣтнюю литературную и ученую дѣятельность вносилъ всегда столь ярко окрашенную національную идею, что можетъ быть названъ у насъ наиболѣе виднымъ искателемъ русскаго народнаго идеала въ литературной и художественной критикѣ. Прославлять все то русское, что казалось ему хорошимъ и достойнымъ, а главное, черезъ посредство печатнаго слова, настойчиво, неустанно и горячо, искренно требовать отъ всѣхъ другихъ, отъ всякаго читателя оцѣнить то или другое хорошее русское явленіе, обратить къ нему всѣ свои симпатіи—такова была по преимуществу литературная задача В. В. Стасова, его общественная роль. Не будучи націоналистомъ, стремительно ополчаясь на многія стороны русской жизни, В. В. Стасовъ являлся въ нашей литературѣ живымъ поборникомъ общественной свободы; западникъ по своему образованію, вкусамъ, привычкамъ, по своей страсти къ путешествіямъ по Европѣ, къ заграничнымъ

выставкамъ, онъ былъ въ тоже время представителемъ русской народной идеи въ литературѣ, искусствѣ, музыкѣ и даже наукѣ, по крайней мѣрѣ, со стороны ея содержанія. Постепенно расширяя кругъ предметовъ, его интересовавшихъ, вообще сферу своихъ духовныхъ симпатій, онъ рано ввелъ старину и древность, какъ предметъ своего главнаго любительства, если не своей специальности, въ свою рано начавшуюся литературную дѣятельность. Даже къ археологіи искусства В. В. Стасовъ подошелъ именно съ этой стороны русскихъ народныхъ основъ и формъ и до конца жизни его интересовали исключительно вопросы, такъ или иначе входившіе въ кругъ народнаго искусства.

Такъ, самый капитальный трудъ В. В. Стасова—его извѣстный атласъ «Славянскаго и восточнаго орнамента по рукописямъ древняго и новаго времени», изданный въ 156 таблицахъ большого инфоліо съ 20 и болѣе рисунками на каждой таблицѣ, былъ вызванъ, по словамъ самого изслѣдователя, сначала лишь «желаніемъ доказать, что въ русско-славянскихъ рукописяхъ, украшенныхъ заставками, миниатюрами, фигурными инициалами, вообще орнаментикою, не все заимствовано изъ болгарскихъ, сербскихъ и греческихъ оригиналовъ, а, напротивъ того, многое происхожденія собственно-русскаго, многое самобытно и оригинально въ своемъ народномъ источникѣ». Онъ рѣшился предпринять колоссальный по своей мелочности, непреодолимый трудностей, трудъ, стоившій ему неустанной работы 27 лѣтъ. Этотъ трудъ есть воплощеніе всей личности Стасова, всего его характера и его идеаловъ. Вся задача его здѣсь была непрестанно въ томъ, чтобы взять вопросъ какъ можно шире, чтобы какъ можно болѣе раздвинуть рамки, охвативъ въ своемъ изслѣдованіи все горизонты обширнаго, разбросавшагося, разрозненнаго, разсѣяннаго и раздѣленнаго славянскаго племени. Стасовъ предпринималъ съ 1862 по 1881 годъ рядъ путешествій для обозрѣнія и работъ въ различныхъ библіотекахъ. Онъ работалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Оксфордѣ, Берлинѣ, Бѣлградѣ, Прагѣ, въ Венеціи, Римѣ, Болоньѣ, Флоренціи.

и Мадридѣ. Большинство изданныхъ имъ рисунковъ, орнаментовъ и инициаловъ скопированы съ оригинала имъ самимъ и изданы съ такою точностью, которую только допускала хромолитографія (цвѣтныя, механическія воспроизведенія фотографіею въ то время еще не были извѣстны) и въ данномъ дѣлѣ мелкая аккуратность покойнаго, его скрупулезная точность сослужили ему большую службу, давъ ему возможность выполнить работу, которая была бы по силамъ только цѣлой коллегіи ученыхъ. Въ этомъ альбомѣ представлены снимки съ рукописей болгарскихъ, сербскихъ, герцеговинскихъ, черногорскихъ, румынскихъ, молдовлахійскихъ и самыхъ разнообразныхъ русскихъ, а затѣмъ для сравненія орнаменты и рукописи византійскихъ, сирійскихъ, арабскихъ, коптскихъ, эіопскихъ, армянскихъ и грузинскихъ.

Инициатива изученія русскаго народнаго творчества въ ткацкомъ и вышивномъ мастерствѣ составляетъ историческую заслугу В. В. Стасова, которому принадлежитъ какъ одно изъ первыхъ собраній издѣлій этого мастерства, сдѣланное при томъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ, такъ и изданіе въ свѣтъ сборника рисунковъ по этому виду издѣлій. Въ 1872 году въ изданіи обществомъ поощренія художниковъ подъ заглавіемъ «Русскій народный орнаментъ», появился первый выпускъ: «Шитье, ткани, кружева» съ объяснительнымъ текстомъ В. Стасова на русскомъ и французскомъ языкахъ съ атласомъ 75 таблицъ.

«Изученіе памятниковъ русскаго народнаго творчества,—говоритъ Стасовъ въ своемъ введеніи,—приводитъ къ заключенію, что въ вышивкахъ и тканьяхъ по холсту уцѣлѣли самыя многочисленные, самыя оригинальные, самыя характерныя и самыя значительныя остатки національнаго русскаго художества. На полотencaхъ, простыняхъ, наволокахъ, рубахахъ, передникахъ, женскихъ головныхъ уборахъ и т. д., т. е. вообще на предметахъ самаго постояннаго и общераспространеннаго употребленія, на предметахъ, можно сказать, почти не покидавшихъ древне-русскаго человѣка съ утра и до вечера, съ вечера и до утра, дома въ избѣ и на работахъ въ полѣ, въ будни и въ праздникъ, при-

существовавшихъ при обрядахъ начала и конца жизни каждаго, при свадьбахъ и торжествахъ,—однимъ словомъ, всегда и вездѣ—на этихъ предметахъ ярко обозначились и художественные вкусы и религіозныя представленія, и весь наивный складъ фантазій комбинирующихъ соображеній, остроумныхъ расчетовъ, прилаживанія и ловкаго сплоченія разнообразныхъ составныхъ частей». Оставляя въ сторонѣ нѣкоторое преувеличеніе значенія и роли этого народнаго творчества, укажемъ только на опредѣленіе художественной сущности этихъ издѣлій. По словамъ Стасова, въ этихъ предметахъ ярко обозначились и художественные вкусы русскаго народа и его религіозныя представленія, и наивный складъ его фантазій, выразившійся въ замѣчательно ловкой композиціи самыхъ разнообразныхъ частей.

Всѣ узоры сводятся къ одной опредѣленной системѣ чрезвычайно стильной и характерной. В. В. Стасовъ подводитъ всю эту систему къ нѣсколькимъ способамъ, входя въ сложныя подробности, но, главнымъ образомъ, останавливается на вопросѣ «величайшей важности»—о происхожденіи этихъ узоровъ, доказывая, что главныя и характерныя фигуры русскихъ вышивокъ сходны съ орнаментами и заглавными буквами нашихъ рукописей XIII и XIV столѣтій. Въ подтвержденіе такого взгляда В. В. Стасовъ приводитъ рядъ памятниковъ для сравненія и доказательства, что въ нашихъ вышитыхъ узорахъ наблюдаются самыя разнообразныя вліянія чужеземнаго искусства: арабскаго, персидскаго, буддійскаго.

Чтобы представить полную и всестороннюю критику всѣхъ этихъ взглядовъ, потребовалось бы, прежде всего разборъ всѣхъ фактовъ и всего того сравнительнаго матеріала, который привлеченъ сюда Стасовымъ, а, въ концѣ концовъ, дать новую, болѣе научную, постановку всего вопроса на исторической почвѣ. Теорія, предлагаемая покойнымъ, отличается крайнею неопредѣленностью, точнѣе—недосказанностью. Все время рѣчь идетъ о составныхъ элементахъ русскихъ узоровъ, но, если-бы даже было безусловно доказано ихъ арабское, сассанидское, финское проис-

хожденіе, то не обязательно ли спросить, какимъ образомъ всѣ эти элементы появились на русскихъ полотенцахъ. Еще, можетъ быть, можно придти къ заключенію, что русскія деревенскія бабы и дѣвицы въ своихъ вышивкахъ могли пользоваться финскими же вышивками, но, спрашивается, откуда онѣ могли бы почерпнуть образцы арабскіе и персидскіе. Отвѣта нѣтъ и не будетъ по той простой причинѣ, что не можетъ быть. Очевидно, постановка дѣла грѣшитъ въ самомъ основаніи, и прежде, чѣмъ говорить объ элементахъ, влияніи, заимствованіи, надо было рѣшить вопросъ: наши полотенца представляютъ ли копію какихъ либо чужеземныхъ полотенецъ и поискать такіа полотенца или вышивки, или ткани въ искусствѣ сосѣднихъ, или исторически близкихъ національностей?

Очевидно, всѣ эти рисунки должны быть изучены въ средѣ греко-восточнаго искусства VII—XII вѣковъ, которое является промежуточнымъ періодомъ между сассанидскимъ и русскимъ и которое должно быть изучено предварительно во всѣхъ своихъ деталяхъ, прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи говорить о русскихъ формахъ. В. В. Стасовъ остановился, стало быть, на первой стадіи: онъ бралъ схему сассанидскаго или арабскаго рисунка, находилъ ее въ русскомъ полотenci и, видя упрощеніе или искаженіе древнихъ формъ, самъ приходилъ къ выводу, что здѣсь русской художественной работы нѣтъ.

И все-таки небольшой текстъ Стасова всегда останется вкладомъ въ исторію народнаго искусства и русскую археологію, а въ свое время онъ настолько будилъ интересъ къ археологіи, къ собиранію, что, не будучи, вполне научнымъ, разработаннымъ трудомъ, приносилъ высшую пользу жизненностью постановки и взглядовъ, которая въ исторіи предмета дороже иныхъ полновѣсныхъ трактатовъ.

Даже простой перечень археологическихъ сочиненій и статей В. В. Стасова, хотя бы только самыхъ крупныхъ, представляетъ замѣчательное разнообразіе. Начавши свою научно-археологическую дѣятельность съ мелкихъ замѣтокъ, правда, стоившихъ ему не мало работы, поѣздокъ и поисковъ по библіотекамъ, о голосѣ

никахъ въ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ, крестахъ и различныхъ предметахъ русской древности и старины, В. В. Стасовъ рано покинулъ эту область смѣси въ археологическихъ изданіяхъ и уже съ начала 60-хъ годовъ сталъ останавливаться исключительно на предметахъ значительныхъ и вопросахъ дѣйствительно крупныхъ, такъ что всякая его монографія представляетъ отнынѣ замѣтное явленіе въ археологической литературѣ. Такова, напримѣръ, его *монографія о Владимірскомъ кладѣ*, появившаяся въ видѣ маленькой замѣтки, но утвердившая разомъ «необыкновенно важное значеніе древнихъ предметовъ великокняжескаго облаченія, найденныхъ во Владимірѣ въ концѣ 1865 года». Еще болѣе замѣчательно было изслѣдованіе *катакомбы съ фресками*, найденной въ 1872 году близъ Керчи, и съ того времени слывущей въ устахъ археологовъ подъ именемъ «Стасовской» катакомбы.

Было бы трудно прослѣдить ходъ мыслей покойнаго писателя, приведшій его, столь усердно и неустанно говорившаго о самобытности и своеобразности русскаго народа, къ его пресловутому опыту произведенія русскихъ былинъ съ востока. Достаточно сказать, что главную роль въ этомъ крупномъ недоразумѣніи покойнаго писателя играло его пристрастіе къ востоку и завѣтное желаніе сказать новое слово въ исторической наукѣ. Достаточно посмотреть, однако, это сочиненіе, напечатанное въ 1868 году въ *Вѣстникѣ Европы* и представленное (намѣренно), какъ вызовъ на бой, въ Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи, чтобы понять, какого большого труда стоила эта работа ея автору, въ особенности, если сообразить, что къ значительной части этой литературы авторъ прикоснулся въ первый разъ и что многое въ его источникахъ оставалось ему неяснымъ. Всѣмъ извѣстно, какія рѣзкія возраженія вызвалъ этотъ трактатъ въ средѣ компетентныхъ знатоковъ и профессиональныхъ специалистовъ и какая страстная, патріотически настроенная, полемика примѣшалась въ этомъ случаѣ къ ученому вопросу, тѣмъ болѣе, что побѣда надъ авторомъ, противникомъ, по существу была очень легкою. Съ той

поры прошло почти сорокъ лѣтъ, и хотя никто (врядъ ли и была въ томъ надобность), не подвергъ труда Стасова всестороннему научному разбору, однако же время, всеильное даже въ рѣшеніи вопросовъ научныхъ, само сдѣлало для истины все главное, что здѣсь требовалось. Всѣ восемь *отрицательныхъ выводовъ* В. В. Стасова оказались исторически неточными, или прямо ненаучными: русскія былины по прежнему сохраняютъ за собою право называться былинами; по старому заключаютъ въ коренной основѣ своей много русскаго, продолжаютъ давать характеристику начальныхъ временъ русской земли и пр. и пр. Напротивъ того, положительные выводы Стасова, указывающіе въ былинахъ, въ особенности со стороны бытовыхъ деталей, близкое знакомство русскаго племени съ бытомъ, или по крайней мѣрѣ, съ поэтическими сказаніями восточныхъ народовъ, сосѣдившихъ съ Русью, вполне отвѣчаютъ нашимъ современнымъ научнымъ взглядамъ и стоятъ на томъ тамомъ пути, по которому направляются научныя изслѣдованія.

Неудача взятой Стасовымъ громкой темы, обозначившаяся совершенно ясно по прошествіи извѣстнаго времени, дѣйствовала на него угнетающимъ образомъ и задерживала его научныя работы въ томъ же кругѣ указанныхъ идей о заимствованіи первообразовъ изъ восточнаго источника, хотя въ послѣдствіи В. В. Стасовъ приступалъ уже къ подобнымъ темамъ съ большою осторожностью и сосредоточивался главнымъ образомъ на бытовыхъ вліяніяхъ востока. Эта послѣдняя тема оставалась для него животрепещущей въ теченіе всей его жизни, и онъ готовъ былъ слушать и воспринимать всякаго рода указанія въ этомъ кругѣ идей и фактовъ. Можно искренно сожалѣть, что его замѣчательное усердіе, обнаруженное въ подбораніи самыхъ мелочныхъ деталей, не нашло себѣ надлежащаго примѣненія въ крупной научной работѣ. Взамѣнъ того, В. В. Стасовъ постоянно возвращался къ этой темѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такова, напримѣръ, его любопытная монографія о «серебряномъ восточномъ блюдѣ Императорскаго эрмитажа» (1904 года).

Исканіе восточнаго вліянія въ русскомъ бытѣ, костюмахъ, вооруженіи и обычаяхъ стало такимъ образомъ для В. В. Стасова своего рода манією, которая, однако, дала рядъ прекрасныхъ трактатовъ, замѣтокъ и статей въ самой разнообразной формѣ, монографій, сборниковъ, рецензій и т. д. Благодаря ему, нынѣ можно считать поконченнымъ всякое фантазированіе на тему о руссахъ, описываемыхъ Ибнъ Фодланомъ. Не мало драгоценныхъ соображеній и указаній, важныхъ для познанія славяно-русской древности разсыпано и въ одномъ изъ недавнихъ сочиненій В. В. Стасова: „*Миніатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ*“.

Но несравненно болѣе значительную роль игралъ В. В. Стасовъ, какъ художественный критикъ, въ качествѣ котораго онъ былъ почти исключительно извѣстенъ широкой русской публикѣ, состоя въ своемъ родѣ присяжнымъ оцѣнщикомъ художественныхъ произведеній русскаго искусства въ теченіе 60 лѣтъ безъ малаго. Первые критическія письма Стасова о послѣднихъ произведеніяхъ Карла Брюллова, были напечатаны въ 1849 году, а послѣднія незадолго до кончины. Критическими статьями, замѣтками, обзорѣніями за 25 лѣтъ русскаго искусства, за все XIX-е столѣтіе — искусства обще-европейскаго, а главное отчетами о выставкахъ и біографіями художниковъ, наполнено не менѣе двухъ томовъ полнаго собранія его сочиненій. Ни пересказать, хотя бы вкратцѣ, содержаніе этихъ статей, ни перечислить имена, прославлявшихся имъ, мастеровъ, ни резюмировать разнообразіе жаркой полемики — не представляется возможнымъ. Достаточно здѣсь въ похвалу ему сказать, что взгляды эти были неизмѣнно послѣдовательны, а чувства его и отношенія искренни и неподкупны. Если онъ, еще молодымъ человѣкомъ, восхищался Брюловымъ, то и впослѣдствіи, когда онъ того же Карла Брюллова порицалъ за дутое изображеніе «Послѣднихъ дней Помпеи», то всегда восхвалялъ его, какъ первокласснаго портретиста и талантливаго художника. Какъ съ самаго начала Стасовъ принялъ горячее участіе въ переломѣ искусства, совершавшемся на протя-

женіи сороковыхъ—шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, какъ поклонникъ реализма и національности (всего характернаго), такъ и до послѣднихъ дней своихъ онъ, какъ критикъ, всегда оставался въ тѣснѣйшей связи съ группою «передвижниковъ».

На Владиміръ Васильевичъ Стасовъ можно видѣть всю мало-значительность литературныхъ отзывовъ и полемики. Именно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ онъ наиболѣе претерпѣвалъ отъ своихъ противниковъ, онъ обрѣлъ наиболѣе значительный успѣхъ, и его проповѣдь получила историческое значеніе.

Маринъ Степановичъ Дриновъ родился въ 1838 году въ болгарскомъ городкѣ Панагюриште, въ Оракии. Желаніе получить образованіе увлекло его въ Россію, и въ 1858 г. мы видимъ его въ Кіевѣ изучающимъ русскій языкъ и подготовляющимся къ поступленію въ университетъ, а въ 1861 году въ Москвѣ студентомъ Московскаго университета. По окончаніи курса, во время своего пребыванія въ западной Европѣ, особенно въ чешской Прагѣ, онъ подготовилъ рядъ работъ по исторіи своей родины. Одна изъ нихъ — «Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами», увидѣвшая свѣтъ въ 1872 году, доставила ему степень магистра славянской филологіи и мѣсто доцента по кафедрѣ славяновѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ; другая — «Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ», вышедшая въ 1876 году, была имъ представлена какъ докторская диссертация. Дальнѣйшіе труды Дринова, въ общемъ многочисленные, посвящены исторіи, литературѣ и языку родного болгарскаго народа. Между ними рядъ цѣнныхъ рецензій, написанныхъ Дриновымъ по порученію Академіи Наукъ, на книги О. И. Успенскаго, А. А. Дювернуа и П. А. Сырку. Въ лицѣ Дринова славянская наука потеряла одного изъ видныхъ своихъ тружениковъ.

Франтишекъ Бартошъ родился 16 марта 1837 года. Мораванинъ родомъ, онъ большую часть жизни провелъ въ Моравіи, въ ея главномъ городѣ Брнѣ сначала учителемъ гимназіи, потомъ директоромъ. Какъ усердный педагогъ, онъ много потрудился надъ составленіемъ учебныхъ пособій разнаго рода,

изъ которыхъ «Синтаксисъ чешскаго языка» выдержалъ рядъ изданій. Но его главнѣйшія заслуги передъ наукой заключаются въ его многочисленныхъ трудахъ по моравской этнографіи, изъ которыхъ здѣсь уместно назвать только наиболѣе крупные. Это прежде всего—два Сборника моравскихъ народныхъ пѣсенъ, одинъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1882 году, какъ дополненіе къ извѣстному Сборнику Сушила, и другой, обширнѣйшій, увидѣвшій свѣтъ въ теченіи 1888—1901 годовъ; затѣмъ—«Lid a národ», 1883—1885 гг., «Moravský lid» 1893 г., «Dialektologie moravská» 1886—1895 гг., и наконецъ «Dialektický slovník moravsky», изданный Чешскою Академіею Наукъ въ 1905—1906 гг., во время болѣзни Бартоша.

Переходя къ дѣятельности Отдѣленія, кратко упомянемъ главнѣйшіе ея пункты.

Существующій при отдѣленіи Разрядъ изящной словесности имѣлъ въ теченіе истекшаго года семь засѣданій и въ томъ числѣ одно публичное собраніе, посвященное сообщенію почетнаго академика П. И. Вейнберга, на тему: Шиллеръ. *Его поэтическое творчество. Вліяніе Шиллера въ русской литературѣ*. Разрядъ посвятилъ свои засѣданія обсужденію нѣсколькихъ предложеній почетныхъ академиковъ по вопросу о критическомъ изданіи полнаго собранія сочиненій и переписки барона А. А. Дельвига, вопросу открытія при разрядѣ изящной словесности своего особаго органа и своевременности составленія по журналамъ антологій русскихъ малоизвѣстныхъ поэтовъ. Далѣе разрядомъ была составлена записка о кандидатурѣ графа Льва Николаевича Толстого на премію Нобеля для представленія въ Стокгольмскую Академію Наукъ. Находившіеся на лицо въ Петербургѣ почетные академики разряда принимали также участіе въ трудахъ комиссіи по разсмотрѣнію сочиненій, поступившихъ на 17-е соисканіе премій имени А. С. Пушкина. Избраны вновь почетными академиками: докторъ исторіи всеобщей литературы профессоръ Алексѣй Николаевичъ Веселовскій и магистръ исторіи всеобщей литературы профессоръ Несторъ Александровичъ Котляревскій.

Коммиссія по изданію сочиненій Пушкина въ отчетномъ году лишилась своего Предсѣдателя, А. Н. Веселовскаго, руководившаго дѣятельностью Коммиссіи съ конца 1901 года и всегда со вниманіемъ и живымъ интересомъ и сочувствіемъ относившагося къ ея работамъ. По избранію Отдѣленія, Предсѣдателемъ Коммиссіи назначенъ (въ засѣданіи 8-го ноября) ординарный академикъ О. Е. Коршъ.

Въ апрѣлѣ нынѣшняго года вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу II томъ Сочиненій Пушкина, редактированный членомъ Коммиссіи В. Е. Якушкинымъ. Въ предисловіи къ нему подробно указаны выработанныя Коммиссіей основныя положенія и общій планъ академическаго изданія Сочиненій Пушкина; затѣмъ слѣдуетъ текстъ лирическихъ стихотвореній, «Руслана и Людмилы» и «Кавказскаго Плѣнника»; текстъ этотъ занимаетъ 260 страницъ и заключаетъ въ себѣ всѣ поэтическія произведенія Пушкина за 1818—1820 годы, провѣренныя, по возможности, по подлиннымъ автографамъ. Обширныя примѣчанія редактора (до 500 страницъ) касаются, главнымъ образомъ, рукописей поэта, изъ которыхъ г. Якушкинъ постарался извлечь все, что было возможно. Впервые опубликованы въ настоящемъ томѣ: стихотвореніе «Что ты, дѣвица, грустна» и полный текстъ оды «Вольность» по автографу, найденному въ архивѣ П. Н. Тургенева.

Два мѣсяца тому назадъ вышелъ I-й томъ Переписки Пушкина, изданный подъ редакціей члена Коммиссіи В. И. Саитова. Особенностями настоящаго изданія является его сравнительная полнота, точное установленіе текста и орфографіи писемъ по подлиннымъ рукописямъ поэта, а также включеніе писемъ корреспондентовъ Пушкина, — поскольку возможно было собрать эти письма изъ различныхъ частныхъ и правительственныхъ коллекцій. Въ настоящемъ томѣ помѣщено 295 писемъ Пушкина и къ Пушкину за 1815—1826 гг. включительно; въ особомъ полутомѣ будутъ даны подробныя примѣчанія, надъ которыми и работаетъ въ настоящее время В. И. Саитовъ.

III томъ Сочиненій и II томъ Переписки продолжаютъ печататься. Вышедшимъ въ свѣтъ IV выпускомъ повременнаго изданія Коммисіи «Пушкинъ и его современники» заключился I томъ этого изданія. Въ названномъ выпускѣ помѣщены статьи и замѣтки: В. И. Срезневскаго (обстоятельное описаніе автографовъ Пушкина, пожертвованныхъ Рукописному Отдѣленію Библіотеки Академіи А. А. Майковой и Е. А. Масальской-Суриной, рожд. Шахматовой), В. В. Сиповскаго, В. Л. Модзалевскаго, Б. Л. Модзалевскаго, Ю. М. Шокальскаго, Е. Г. Вейденбаума и Г. А. Тройницкаго. V-й выпускъ уже печатается.

Изданіе полного собранія сочиненій императрицы Екатерины II-й въ настоящемъ году приведено Отдѣленіемъ почти къ концу; XI томъ выпущенъ уже въ продажу; VI-й заканчивается наборомъ; въ скоромъ времени предстоитъ выходъ въ свѣтъ послѣдняго XII тома, содержащаго *Автобіографическія записки* императрицы. По просьбѣ Отдѣленія Академія Художествъ приняла участіе въ иллюстрированіи этого замѣчательнаго памятника исторіи и сочиненія своей основательницы, образовавъ особую комиссію при Академіи изъ своихъ дѣйствительныхъ членовъ: М. Я. Виллье, В. В. Матѣи и Н. П. Кондакова. Комиссія избрала для иллюстраціи этого сочиненія на бывшей въ 1905 году исторической выставкѣ 16 портретовъ императрицы Екатерины II, Елисаветы, императора Петра III и Павла, которые въ 15-ти геліографюрахъ и одномъ офортѣ будутъ приложены къ 12-му тому сочиненій.

Далѣе Отдѣленіе приступило къ сношеніямъ съ различными вѣдомствами, съ цѣлью полученія, для предпринятаго Отдѣленіемъ подъ редакціею П. К. Симони изданія сочиненій М. Д. Чулкова, различныхъ экземпляровъ, изданныхъ Чулковымъ трудовъ и документовъ, относящихся къ его жизни и дѣятельности.

Разборъ поступившаго въ Отдѣленіе замѣчательнаго архива Тургеневыхъ производится комиссіею подъ предсѣдательствомъ академика А. И. Соболевскаго.

Въ теченіе года продолжались также работы по изготовленію матеріаловъ для «Источниковъ словаря русскихъ писателей», собираемыхъ С. А. Венгеровымъ.

«Исслѣдованія по русскому языку» и «Памятники старославянскаго языка» въ этомъ году продолжались печатаніемъ. Вышли въ свѣтъ: изслѣдованіе В. Н. Щепкина «Болонская псалтырь» и два выпуска труда В. Н. Бенешевича «Древне-славянская Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій», заключающаго въ себѣ часть текста такъ называемой Ефремовской Кормчей XII вѣка съ вариантами изъ болѣе позднихъ списковъ.

Работы по Словарю русскаго языка подвинулись значительно. Печатаніе словъ на букву з продолжалось. Магистрантъ Имп. Юрьевскаго университета Д. К. Зеленинъ занимался обработкою матеріала и печатаніемъ слѣдующаго тома Словаря (съ буквы ж). Бывшій профессоръ Имп. Варшавскаго университета Г. К. Ульяновъ приступилъ къ изготовленію второго изданія, проф. С. К. Буличъ работалъ надъ буквой и дополненнаго, однороднаго со вторымъ томомъ, — перваго тома Словаря.

Работы надъ Матеріалами для словаря древне-русскаго языка И. И. Срезневскаго въ этомъ году также значительно подвинулись впередъ и Отдѣленіе имѣло удовольствіе выпустить въ свѣтъ 2-й выпускъ послѣдняго тома Матеріаловъ (конецъ буквы с и почти всю букву т).

Отдѣленіе приняло къ исполненію предложеніе В. А. Боброва относительно научнаго изданія Академіею текста «Сборника Свято-слава 1076 года».

По прежнему производились работы по составленію діалектологической карты Россіи комиссіею, состоящею при Отдѣленіи подъ предсѣдательствомъ академика Ѳ. Е. Корша.

Въ истекшемъ году Отдѣленіемъ командированы для научныхъ работъ по предпринятымъ въ Отдѣленіи и отдѣльными учеными задачамъ: магистрантъ С.-Петербургскаго Университета В. Н. Бенешевичъ для пріисканія греческаго текста къ статьямъ славянскаго перевода Ефремовской кормчей въ Вѣну и Парижъ; про-

фессоръ Варшавскаго университета В. А. Францевъ въ славянскія земли Австріи для собиранія матеріаловъ по исторіи польскаго славяновѣдѣнія; Кандидату славяно-русской филологіи А. И. Зачиняеву оказано пособіе на поѣздку, имъ предпринятую, въ Кіевскую губернію для собиранія этнографическихъ матеріаловъ.

Въ истекшемъ году отдѣльными изданіями Отдѣленія вышли:

Сочиненія Пушкина. Томъ второй. Лирическія стихотворенія (1818—1820). *Русланъ и Людмила* (1817—1820). *Кавказскій пленникъ* (1820—1821). 1905.

Сочиненія Пушкина. Переписка подъ редакціею и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ первый. (1815—1826).

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. 4-й.

Николай Никольскій. *Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій. (X—XI вв.).* Корректурное изданіе.

Древне-славянская кормчая. XIV титуловъ безъ толкованій. Трудъ В. Н. Бенешевича. Томъ первый. Вып. I. Вып. II.

Древне-славянскій апостолъ. Выпускъ II. Посланіе святого апостола Павла къ Коринѳянамъ. 1-е. По основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти семи рукописей апостола XII—XVI вв. Трудъ г. Воскресенскаго.

Изслѣдованія по русскому языку. Томъ второй. Выпускъ IV В. Н. Щепкинъ. *Болонская псалтырь. Съ приложеніемъ семи фототипій и восьми цинкографій.*

Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. Томъ третій. Выпускъ II. Сте — тѣр.

Статьи по Славяновѣдѣнію, вып. II, подъ редакціею акад. В. И. Ламанскаго.

Латинско-итальянско-славянскій поминальникъ XV и XVI

ст. изд. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ. Вып. I съ приложениемъ фотот. снимковъ.

Въ истекшемъ году Отдѣленіе выпустило одинъ томъ *Сборника*, восемьдесятъ первый, напечатавъ въ немъ труды члена корреспондента Академіи Н. П. Лихачева, В. Изергина и С. К. Шамбинаго. Въ вышедшихъ трехъ книжкахъ *Извѣстій* (тома XI, книжка 1—3) участвовали своими изслѣдованіями и статьями В. А. Богородицкій, Н. Н. Виноградовъ, А. Н. Веселовскій, Т. М. Глаголева, К. Я. Гротъ, А. С. Грушевскій, Н. С. Державинъ, П. А. Заболотскій, А. И. Зачиняевъ, Г. А. Ильинскій, К. К. Истоминъ, В. М. Истринъ, В. В. Калашъ, Н. К. Козминъ, Н. И. Коробка, О. Е. Коршъ, А. Е. Крымскій, Г. З. Кунцевичъ, П. А. Лавровъ, Н. П. Лихачевъ, Ф. Лоренцъ, В. О. Миллеръ, В. Наконечный, А. И. Никольскій, Н. М. Петровскій, Пиксановъ, О. И. Покровскій, К. О. Радченко, С. П. Розановъ, И. С. Свѣнцицкій, А. И. Соболевскій, Н. Н. Соколовъ, М. Н. Сперанскій, В. И. Срезневскій, Н. О. Сумцовъ, М. Р. Фасмеръ, В. И. Чернышевъ, В. О. Шишмаревъ, А. И. Яцимирскій.

Академикъ Ягичъ издалъ весной нынѣшняго года Введеніе къ упомянутому въ прошлогоднемъ отчетѣ изслѣдованію грацкаго профессора Стржиговскаго о Мюнхенской лицевой псалтыри. Изданіе это вышло въ вѣнскихъ *Denkschriften*, въ 52 томѣ. Введеніе академика, обнимающее девять съ половиной печатныхъ листовъ, распространяется о вѣнскихъ и внутренней исторіи двухъ лицевыхъ псалтырей этого изданія. Въ первыхъ главахъ рѣчь идетъ о происхожденіи и содержаніи обоихъ памятниковъ, при чемъ оказывается, что несмотря на полную зависимость бѣлградской псалтыри по иллюстраціямъ отъ мюнхенской, въ самомъ текстѣ позднѣйшая бѣлградская рукопись отстываетъ отъ мюнхенской. Въ этой представленъ только текстъ псалмовъ, въ бѣлградской же имѣется также обыкновенное толкованіе. Нѣкоторое разногласіе между обоими памятниками видно также въ дополни-

тельных частяхъ, въ приложеніяхъ къ псалтыри. Самая обширная глава шестая даетъ характеристику мюнхенскаго текста псалтыри въ сравненіи съ другими болѣе древними памятниками того же содержанія. Авторъ доказываетъ на основаніи подробнаго изученія мюнхенскаго текста, что онъ по всѣмъ особенностямъ языка и разнотченій ближайшій родственникъ букарештскаго сербскаго памятника, написаннаго въ сербскомъ городѣ Борчѣ въ 1346 году.

Второй трудъ академика, о которомъ упоминалось уже въ предыдущихъ отчетахъ — не могъ до сихъ поръ выйти. Это его изданіе текста псалтырей Болонской и Погодинской съ разнотченіями изъ одной болгарской псалтыри 1337 года и выше упомянутой сербской 1346 года. Къ напечатаннымъ листамъ текста (47 листовъ), прибавлено въ теченіе нынѣшняго года 10 листовъ Приложеній (Appendices), въ которыхъ дается подробное описаніе всѣхъ памятниковъ, вошедшихъ въ это изданіе, перечисляются замѣченныя неточности или опечатки. Для этой цѣли были у автора вторично подъ руками подлинники. Обманутый въ надеждѣ сотрудничества въ составленіи словаря ко всѣмъ частямъ изданія, авторъ ограничился дополненіемъ къ извѣстному труду Вячеслава Срезневскаго, который уже даетъ довольно полный словарь псалтырнаго текста. Въ изданіи академика обращено вниманіе на текстъ толкованія, греческій подлинникъ котораго у него уже приготовленъ для печати, но за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ пока не могъ войти въ его изданіе. На основаніи этого пока еще неизданнаго текста составленъ греческій словарь въ алфавитномъ порядкѣ, славянскія же слова объяснены подлинными греческими рядомъ по псалмамъ.

Весь этотъ многолѣтній трудъ академика, теперь уже можно опредѣленно сказать, выйдетъ въ началѣ 1907 года.

Издаваемыхъ подъ редакцію И. В. Ягича. «Источниковъ по слав. филологіи» тома III отпечатано до сихъ поръ 15 листовъ.

Въ журналѣ, посвященномъ славянской филологіи «Archiv für slavische Philologie», 28-й томъ котораго доканчивается, участіе

академика не ограничивалось редакціонной частью, онъ помѣстилъ также нѣсколько своихъ статей (напр. три статьи о спорныхъ вопросахъ по славянской грамматикѣ) и отзывовъ (напр. объ изслѣдованіи проф. Ляпунова) или же представилъ въ извлеченіи содержаніе чужихъ изслѣдованій.

Наконецъ объ энциклопедіи по слав. филологіи представленъ академикомъ Отдѣленію особый отчетъ.

Академикъ Ф. Θ. Фортунатовъ продолжалъ редактировать изданіе Э. А. Вольтера «Postilla Catholica Я. Вуйка въ литовскомъ переводѣ Н. Даукши», печаталъ «Краткій очеркъ сравнительной фонетики индоевропейскихъ языковъ» и приготовилъ къ печати статью «Гласныя *ъ* и *ь* въ языкахъ общеславянскомъ и старославянскомъ».

Академикъ А. А. Шахматовъ напечаталъ статью въ «Сборникѣ статей въ честь В. И. Ламанскаго» подъ заглавіемъ: «Корсунская легенда о крещеніи Владиміра». Приготовилъ къ изданію въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ «Памятниковъ древнерусской письменности» подъ редакціей Ник. Конст. Никольскаго житія и сказанія, касающіяся св. Владиміра. Работалъ надъ изслѣдованіемъ о литературномъ составѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Приготовилъ послѣдній выпускъ II тома Словаря русскаго языка, который долженъ выйти въ февралѣ 1907 года.

Академикъ Θ. Е. Коршъ напечаталъ: 1) По поводу второй статьи проф. Меліоранскаго о турецкихъ элементахъ въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» (въ извѣстіяхъ) и 2) «Основы славянскаго стихосложенія» (во II в. «Статей по славяновѣдѣнію»).

Академикъ А. И. Соболевскій издалъ, на средства Императорскаго Археологическаго Института «Новый сборникъ палеографическихъ снимковъ съ русскихъ рукописей XI—XVIII вв.», гдѣ помѣстилъ, между прочимъ, снимки съ автографовъ дѣятелей русской литературы—митрополита Кипріяна, Пахомія Сербя, патріарха Гермогена, Германа Тулунова, монаха Евѳимія, Николая Головина, Стефана Яворскаго, Θεοφана Прокоповича, Θεοφилакта Лопатинскаго. Сверхъ того, въ новомъ сборникѣ

А. И. Соболевскаго помѣщенъ рядъ снимковъ съ полууставныхъ рукописей юго-западно-русскаго письма, съ типичными юго-западными полууставомъ и орнаментомъ.

Тотъ же академикъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько небольшихъ изслѣдованій по исторіи церковно-славянской письменности и по русской діалектологіи и нѣсколько рецензій на новѣйшіе труды по исторіи русской литературы и по славянскимъ древностямъ.

Сверхъ того, А. И. Соболевскій продолжалъ готовить къ изданію слова Іоанна Экзарха Болгарскаго.

В. И. Ламанскій привелъ къ окончанію свои критическія замѣтки о славянскомъ житіи Константина Философа, при чемъ представилъ и свои возраженія Голубинскому, Лаврову, Грушевскому, Шахматову и Ягичу съ выраженіемъ имъ благодарности за оказанную ими помощь для болѣе точнаго и яснаго опредѣленія слѣд. положеній:

1) Славянское житіе Константина Философа нельзя считать вполне достовѣрнымъ и безукоризненнымъ источникомъ. Умалчивая уже о чудесахъ, довольно упомянуть о приписываемомъ Константину Философу переводѣ какой то еврейской грамматики (еще въ IX в. не имѣвшей) въ 8-и частяхъ, о неточномъ указаніи года сарацинской миссіи якобы въ 851 г. вм. 855—6 г., о прочтеніи Константину Философу надписи на якобы Соломоновой чаши; о бытности ея въ Константинополѣ молчатъ обильныя средневѣковыя извѣстія о разныхъ того же рода достопамятностяхъ и рѣдкостяхъ.

2) Свидѣтельство житія о составленіи славянской грамоты и переводѣ богослужебныхъ книгъ Константиномъ Философомъ и раньше Ростиславова посольства (862 г.) есть несомнѣнная басня, довольно глупая, такъ какъ честь этого великаго историческаго подвига приписываетъ князю Ростиславу, просившему такого переводчика и грамотѣя для своихъ Мораванъ, и царю Михаилу III, приказавшему составить грамоту и переводы для Мораванъ. Истинный основатель Славяновѣдѣнія Добровскій

(вмѣстѣ съ Востоковымъ) отличавшійся своимъ критическимъ дарованіемъ, давно уже и ясно доказывалъ баснословность этого преданія моравскаго.

3) Свидѣтельство мниха Храбра и одна изъ статей Болгарскаго синодика Тырновскаго собора 1211 одинаково утверждаютъ, что слав. грамота и переводъ богослужебныхъ книгъ были совершены въ царствованіе Михаила III и матери его Θεодоры, т. е. въ періодъ времени (842—855), не позже 855 г. и должно полагать, не раньше 40-хъ гг., а приблизительно въ началѣ 50-хъ.

4) Такъ называемая Хазарская миссія Константина Философа и его брата Меѳодія имѣла мѣсто не въ 858 г. и не на устьяхъ Волги, а въ 861 г. и на среднемъ Днѣпрѣ, въ Кіевѣ, когда земля Полянъ по свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи, называлась еще Хазарією, а у Нормановъ *Gardariki* и только со временъ Олега стала слѣть подъ именемъ Руси. Первое ея крещеніе произошло въ 861 г., приблизительно черезъ годъ послѣ перваго нападенія Варяговъ-Руси на Царьградъ (18 іюня 860 г.).

По свидѣтельству соборнаго посланія патріарха Фотія 866 г., вскорѣ послѣ этого нападенія (*πρὸ μισροῦ*) явилось русское посольство въ Константинополь и съ нимъ же были отправлены греческіе послы (*царская служба Житія*) и братья-апостолы Славянъ Константинъ Философъ и Меѳодій. Кого же лучше могъ избрать патріархъ Фотій для этого дѣла? Бандури въ XVIII в. и Регель въ исходѣ XIX в., первый въ Парижѣ, второй на островѣ Патмосѣ нашли греческую рукопись съ упоминаніемъ Константина Философа и *Αθανασία* (вм. Меѳодія), составившихъ славянскую грамоту, и крестившихъ Русь и ея князя Владиміра. Этотъ позднѣйшій памятникъ, подобно русскимъ свидѣтельствамъ XI—XII в., смѣшалъ крещеніе Руси 861 г. съ крещеніемъ Владиміра. Эти русскія свидѣтельства упоминаютъ патріарха Фотія, при коемъ, говорятъ одни, крестилась Ольга, другіе—крестился Владиміръ. Даже лѣтопись наша говоритъ о большомъ участіи въ его крещеніи Константина Философа. Все это слѣды темной народной па-

мнѣніи о первомъ крещеніи Руси 861 г. О немъ косвенно упоминается въ древнихъ нашихъ прологахъ по случаю крещенія княгини Ольги. Въ житіи Константина Философа говорится о крещеніи въ Хазаріи (861 г.) четырехъсотъ человѣкъ съ женами и дѣтьми. Первое упоминаніе церкви въ Кіевѣ (св. Іліи) находимъ въ договорѣ Игоря съ греками. О славянской грамотѣ въ Кіевѣ во второй половинѣ IX и первой половинѣ X в. свидѣлствуютъ отдѣльныя погодныя современныя записи и договоръ Олега съ греками 911 г. и его языкъ чисто русскій съ нѣкоторыми ц.-славянизмами.

За послѣдніе годы Л—ій занимался правописаніемъ древнѣйшихъ глаголическихъ и кирилловскихъ памятниковъ и приготовилъ матеріалъ для особаго критическаго изслѣдованія о такъ называемыхъ паннонизмахъ и моравизмахъ въ памятникахъ древне-славянской письменности.

Вновь пересмотрѣвши собранные имъ еще матеріалы въ 1860 г. для біографіи Ломоносова и обнародованные документы, замѣтки и письма, изданныя Будиловичемъ, Куникомъ, Биларскимъ и Пекарскимъ, Л—ій считаетъ возможнымъ приступить въ янв. февр. наступающаго года къ возложенному на него П-мъ Отдѣленіемъ продолженію и окончанію изданія сочиненій Ломоносова.

Академикъ Е. Е. Голубинскій въ продолженіи года занимался: 1) пересмотромъ и приготовленіемъ къ печати 2-й половины II тома своей Исторіи русской церкви; 2) приготовленіемъ ко 2-му изданію своего сочиненія: Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра; 3) окончаніемъ печатанія археологическаго атласа ко 2-й половинѣ I тома своей Исторіи русской церкви; 4) составленіемъ порученныхъ Отдѣленіемъ двухъ отзывовъ о сочиненіяхъ, представленныхъ въ Академію на соисканіе Уваровскихъ премій, именно-печатнаго, принадлежащаго г. В. Бенешевичу: «Каноническій Сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 г.» (Спб., 1905), и рукописнаго, принадлежащаго протоіерею Іоанну Кузнецову:

«Святые блаженные Василій и Іоаннъ, Христа ради юродивые, Московскіе чудотворцы».

Академикъ Н. П. Кондаковъ издалъ: 1) «Изображеніе русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка, 2) «Іерусалимъ Христіанскій. Историческій очеркъ и памятники». Въ VI т. «Прав. Богословской Энциклопедіи». Академикъ совершилъ въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы поѣздку въ Римъ, Ю. Италію и Сицилію съ цѣлью обзора памятниковъ византійской иконографіи Божіей Матери.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Отчетъ Коммисіи по составленію діалектологической карты Россіи.

Коммиссія имѣетъ честь представить Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ отчетъ о своихъ занятіяхъ за третій годъ своего существованія (съ октября 1905 г. по ноябрь 1906 г.).

Въ составъ Коммисіи входили: предсѣдатель академикъ Ѳ. Е. Коршъ, товарищъ предсѣдателя Д. Н. Ушаковъ, секретарь Н. Н. Соколовъ, бібліотекарь И. М. Тарабринъ, и члены: Н. В. Васильевъ, А. Д. Григорьевъ, Н. Н. Дурново, Н. П. Кашинъ, Н. Н. Кононовъ, А. С. Мадуевъ, А. С. Орловъ, Н. И. Шатерниковъ, А. В. Марковъ и С. А. Шоберъ.

Истекшій годъ былъ особенно неблагопріятенъ, какъ для совмѣстныхъ занятій Коммисіи, такъ и для поѣздокъ съ діалектологическою цѣлью отдѣльныхъ ея членовъ.

Согласно своему плану Коммиссія продолжала заниматься собираніемъ и обработкой матеріала для составленія діалектологической карты русскаго языка.

Членами Коммисіи были обработаны по принятой раньше системѣ (см. отчетъ 1904 г.) вновь присланные отвѣты на полныя академическія программы по Тверской и Орловской губ. За дальнѣйшей присылкой матерьяловъ Коммиссія снова обратилась въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности.

Что касается регистраціи матерьяловъ по изученію русскаго языка, то въ истекшемъ году Коммиссія продолжала заниматься пополненіемъ своего карточного каталога книгъ и статей по діалектологіи и исторіи русскаго языка и печатаніемъ его. Для этой цѣли Коммиссіей пріобрѣтенъ множительный аппаратъ, и въ настоящее время съ помощью его напечатана уже та часть каталога, которая содержитъ въ себѣ книги и статьи по діалектологіи русскаго языка, въ 30 экземплярахъ, предназначаемыхъ для пользованія членамъ Коммиссіи въ качествѣ рабочихъ экземпляровъ при продолженіи работъ по регистраціи матерьяловъ. Полный же каталогъ будетъ отпечатанъ въ «Трудахъ Коммиссіи», когда будетъ завершена разработка всѣхъ имѣющихся въ распоряженіи Коммиссіи матерьяловъ.

За истекшій годъ Коммиссія вступила въ сношеніе съ Академіями Наукъ въ Краковѣ и Прагѣ, съ Науковымъ Товариществомъ имени Шевченка и Галицко-Русской Матицей во Львовѣ. Благодаря этой связи, бібліотека Коммиссіи пополнилась цѣнными собраніями трудовъ и изданій обоихъ Львовскихъ ученыхъ обществъ, присланными ей въ обмѣнъ на изданія Коммиссіи. При этомъ Коммиссія выражаетъ пожеланіе, чтобы Академія Наукъ снабдила ее постояннымъ открытымъ листомъ на безплатное полученіе заграничныхъ изданій, печатаемыхъ кириллицей, въ виду того, что даже безплатное пріобрѣтеніе такихъ изданій за границей, при скудости средствъ Коммиссіи, обходится ей слишкомъ дорого.

Поѣздокъ съ діалектологической цѣлью за истекшій годъ не было. Н. Н. Соколовъ занимался разработкой собранныхъ имъ черезъ посредство сельскихъ учителей отвѣтовъ на полныя академическія программы по говорамъ Трубчевскаго уѣзда Орловской губ. Въ результатъ этой разработки съ присоединеніемъ лично собранныхъ данныхъ за прошлые годы является изслѣдованіе по вопросу объ опредѣленіи границы южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ въ предѣлахъ Орловской губ., которое будетъ напечатано въ «Трудахъ Коммиссіи». Н. Н. Дурново занимался

изученіемъ имѣвшихся въ распоряженіи Коммиссіи матерьяловъ по вопросу о границахъ южно-великорусскихъ говоровъ вообще, въ особенности же по вопросу о появленіи и распространеніи «у» вмѣсто «в» въ области южно-великорусскаго нарѣчія. Краткіе отчеты о занятіяхъ Н. Н. Соколова и Н. Н. Дурново прилагаются при отчетѣ Коммиссіи.

Засѣданій Коммиссіи въ истекшемъ году было три. На нихъ читались слѣдующіе доклады:

Доклады Н. Н. Дурново: 1) О границахъ южно-великорусскаго нарѣчія, 2) Къ исторіи появленія «у» вмѣсто «в» въ области южно-великорусскаго нарѣчія, 3) Рецензіи статей ак. Соболевскаго, помѣщенныхъ въ Русскомъ Филол. Вѣстн. за 1906 г., 4) Рецензіи статей по русскому языку, вышедшихъ въ журналахъ за 1905 и 1906 г.

Доклады Н. Н. Соколова: 1) Говоры Трубчевскаго уѣзда Орловской губ., 2) Распределеніе Бѣлоруссовъ на границѣ Орловской, Черниговской и Смоленской губ.

Въ виду израсходованія къ началу отчетнаго года всей суммы денегъ (500 р.), ассигнованной Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности въ распоряженіе Коммиссіи, предсѣдателемъ ея представленъ въ Академію Наукъ отчетъ въ израсходованія этой суммы. По ходатайству предсѣдателя на нужды Коммиссіи вновь ассигновано 600 р.

Предсѣдатель **Ө. Коршъ.**

Секретарь **Н. Соколовъ.**

Отчетъ Н. Н. Дурново по разработкѣ матерьяловъ по южно-великорусскому нарѣчію для діалектологической карты русскаго языка.

Подготовляя матерьялъ по южно-великорусскимъ говорамъ для діалектологической карты русскаго языка, я исходилъ при опредѣленіи понятія «южно-великорусское нарѣчіе» изъ тѣхъ принциповъ, которые формулированы уже Н. Н. Соколовымъ въ статьѣ: «Опредѣленіе и обозначеніе границъ русскихъ говоровъ» (Труды Московской Діалектологической Коммисіи, вып. I), т. е. тѣ говоры, которые можно съ извѣстною увѣренностью считать переходными съ бѣлорусской или сѣверновеликорусской основой, я не относилъ къ южно-великорусскимъ. Такимъ образомъ, южно-великорусское нарѣчіе, по нашему опредѣленію, слышится лишь въ слѣдующихъ губерніяхъ: Московской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской и Области войска Донского; къ южно-великорусскимъ принадлежать, можетъ быть, также говоры небольшой части Черниговской и запада Саратовской губ.

Матерьялъ для изученія этихъ говоровъ Коммисія для составленія діалектологической карты русскаго языка могла извлекать: 1) изъ напечатанныхъ трудовъ по діалектологіи, 2) изъ принадлежащихъ 2-му Отдѣленію Императ. Академіи Наукъ отвѣтовъ на полныя и краткія программы для собиранія особенностей говоровъ; 3) изъ матерьяловъ, собранныхъ членами Коммисіи.

Изъ отвѣтовъ на полныя программы, присланныхъ въ Коммисію изъ Отдѣленія русскаго яз. и словесности, у меня подъ руками было: по Калужской губ.—1 (Мещов. у.)¹⁾, по Тульской губ.—8 (Новосил., Епиф., Ефрем., Крапив., Богород. и Тульскій

1) Два другихъ отвѣта (Медын. и Мещ.) присланы послѣ составленія моего отчета.

уу.)¹⁾, по Тамбовской губ.—1 (Козловскій у.)²⁾, по Рязанской—1 (Скопинскій у.)³⁾, по Орловской—1 (Елецкій у.); остальные отвѣты, присланные 2-мъ Отдѣленіемъ, содержали свѣдѣнія о говорахъ не южно-великорусскихъ или же не могли быть мною использованы. Отвѣты на краткую программу были разнесены по мѣстностямъ на отдѣльныя карточки; такихъ карточекъ со свѣдѣніями о южно-великорусскихъ говорахъ оказалось: по Московской губ.—21 (все изъ Коломенск. у.), по Тульской губ.—6 (Кашир., Бѣлев. и Новосил. уу.), по Тамбовской губ.—11 (Тамб., Козл., Моршан. и Усман. уу.), по Воронежской губ.—21 (Землянск., Ворон., Нижнедѣв., Коротояк., Бобров., Новохоп., Павлов., Богучар. уу.), по Орловской губ.—23 (Орловскій, Ливенскій, Кромской, Малоарханг., Карач., Болхов. и Сѣвск. уу.), по Курской губ.—18 (Бѣлгород., Грайворон., Суджан., Рыльск., Курск., Фатеж., Тимск., Старооскол. уу.), по Саратовской губ.—12 (Цариц., Сердобск., Балаш. и Аткар. уу.)⁴⁾, по Черниговской—7 (Глухов., Новгор.-Сѣв., Сураж., Стародуб., Сосн., Мглин.)⁵⁾, по Области войска Донского—1¹⁾. Въ числѣ рукописныхъ матерьяловъ по говорамъ, принадлежащихъ Коммисіи по составленію діалектологической карты русскаго языка, имѣются карточки по южно-великорусскимъ говорамъ изъ слѣдующихъ губерній: Московской—3 карточки (Волокол. и Серпух. уу.), Смоленской губ.—2 (Гжат. и Вязем.), Тульской—7 (Венѣв., Одоевск., Черн., Новосил., Ефрем.), Рязанской—3 (Рязан., Пронск.), Тамбовской—1 (Козл.); по Орловской губ.—нѣсколько подробныхъ сообщеній, обработанныхъ Н. Н. Соколовымъ.

1) Остальные отвѣты (Венѣв., Богород., Епиф.) присланы послѣ составленія моего отчета.

2) Другой отвѣтъ—по Темник. у.—содержитъ свѣдѣнія о говорѣ переходнаго типа.

3) Два отвѣта по Раненбургскому у. получены послѣ отсылки моего отчета.

4) Въ этотъ перечень не вошли 3 отвѣта по Тарусскому у. (очень неважныхъ) Калужской губ., 1 отвѣтъ по Скопинскому у. Рязанской губ. и 15 отвѣтовъ, извлеченныхъ изъ отвѣта на большую программу № 265, полученные Коммисіей послѣ отсылки Отчета.

5) Если только эти говоры не бѣлорусскіе.

На основаніи печатныхъ и рукописныхъ матерьяловъ, имѣвшихся въ распоряженіи Коммиссіи по составленію діалектологической карты русскаго языка, можно приблизительно установить слѣдующія границы южно-великорусскаго нарѣчія.

На сѣверѣ и на востокѣ съ южно-великорусскими говорами почти незамѣтно сливаются переходные говоры средневеликорусскаго типа, т. е. говоры по происхожденію сѣверновеликорусскіе. Наиболѣе южные изъ нихъ ощутительно отличаются отъ сосѣднихъ южновеликорусскихъ въ произношеніи лишь тѣмъ, что въ нихъ вмѣсто южновеликорусскаго «у» (фрикативнаго) является сѣверновеликорусское «г» (взрывное); таковы говоры почти всей южной половины Московской губ. и сѣверной части Калужской губ. (Боровскій у.). Такъ какъ трудно предполагать, чтобы такое произношеніе звука «г» развилось въ этихъ говорахъ подъ вліяніемъ со стороны ихъ сѣверныхъ сосѣдей, то приходится думать, что оно здѣсь исконно, и что, слѣдовательно, эти говоры по своей основѣ не южновеликорусскіе, а такія черты, какъ аканье, совпадающее по характеру съ тульскимъ, — *ты* въ 3-мъ л. глаголовъ и др., развились въ нихъ благодаря сильному и продолжительному вліянію со стороны южновеликорусскихъ говоровъ.

Такимъ образомъ граница между переходными отъ сѣверновеликорусскихъ говорами и говорами южновеликорусскими должна проходить такъ:

Западнѣе Московской губ. она почти совпадаетъ съ границей между Гжатскимъ и Зубцовскимъ уу.; для болѣе точнаго опредѣленія матерьяла не имѣется. Въ Московской губ. южновеликорусское нарѣчіе занимаетъ самый южный уголь Волоколамскаго уѣзда (юго-зап. часть Серединской волости) и юго-западную часть Можайскаго у., затѣмъ граница переходитъ въ Боровскій у. ¹⁾, въ сѣверной части котораго слышатся говоры еще съ нѣкоторыми сѣверновеликорусскими чертами (наприм., «г» взрывное, слово «боронить» и пр.), и далѣе идѣтъ по Подольскому (во всякомъ

1) Южная часть Верейскаго у., — Вышегородская волость, заселена т. наз. шуваликами, вывезенными графомъ Шуваловымъ съ сѣвера.

случаѣ южнѣ Подольска) или по Серпуховскому у., затѣмъ по Коломенскому у., большая часть котораго, повидимому, относится къ области южновеликорусскаго нарѣчія, переходитъ въ Зарайскій у. Рязанской губ., сѣверная часть котораго лежитъ въ области переходныхъ говоровъ; затѣмъ граница поворачиваетъ къ югу, должно быть, по Окѣ до Спасска Рязанской губ.; за Окой уже въ предѣлахъ Рязанскаго у. слышатся говоры не южновеликорусскіе, а переходные. Южнѣ Спасска граница между южновеликорусскими и переходными говорами идётъ по Спасскому и, должно быть, Сапожковскому уу. (о говорѣ Сапожковского у. точныхъ свѣдѣній не имѣется) и затѣмъ переходитъ въ Тамбовскую губернію. Въ послѣдней сѣверные уѣзды (Елатомскій, Шацкій, Спасскій, Темниковскій), повидимому, въ большей своей части заняты переходными говорами, а южные (Моршанскій, Козловскій, Тамбовскій, Липецкій и др.)—южновеликорусскіе. Изъ Тамбовской губ. граница между южновеликорусскими и переходными или сѣверновеликорусскими говорами идётъ на югъ по Саратовской губ. Населеніе этой губерніи чрезвычайно пестро благодаря тому, что въ значительной степени состоитъ изъ недавнихъ сравнительно переселенцевъ; повидимому, среди великорусскаго населенія южновеликоруссы преобладаютъ въ Сердобскомъ, Балашовскомъ и Аткарскомъ уу. Область войска Донскаго вся принадлежитъ къ области южновеликорусскаго нарѣчія.

Опредѣленіе границы между говорами переходными къ южновеликорусскимъ отъ бѣлорусскаго нарѣчія и чистыми южновеликорусскими говорами затрудняется тѣмъ, что нѣкоторые южновеликорусскіе говоры заключаютъ рядъ несомнѣнныхъ бѣлоруссизмовъ, каковы, наприм., произношенія: пирѣздъ, рашатѣ, шѣя, мѣю и др. и могутъ быть приняты за переходные отъ бѣлорусскихъ, утратившіе большую часть остальныхъ бѣлоруссизмовъ. Я надѣюсь со временемъ въ особой статьѣ выяснить принципы, на основаніи которыхъ я одни говоры съ бѣлоруссизмами отношу къ числу переходныхъ, другіе—къ числу южновеликорусскихъ, испытавшихъ нѣкогда бѣлорусское вліяніе, такъ какъ въ краткомъ отчетѣ

это заняло бы слишкомъ много мѣста. Что касается особаго вида аканья, свойственнаго многимъ бѣлорусскимъ говорамъ, именно, сильно-диссимилятивнаго аканья, то я его вовсе не считаю бѣлоруссизмомъ.

О границѣ между южновеликорусскими и переходными съ бѣлорусской основой говорами Смоленской губ. ничего положительнаго сказать нельзя. Е. О. Карскій считаетъ южновеликорусскими говоры Гжатскаго, Сычовскаго, Юхновскаго и Вяземскаго уу. Дѣйствительно въ Гжатскомъ уѣздѣ слышатся южновеликорусскіе говоры, но около Вязьмы въ Вяземскомъ у. уже появляются такіе бѣлоруссизмы, которые могутъ указывать на переходный характеръ говора; точныхъ свѣдѣній о говорахъ Сычовскаго и Юхновскаго уу. нѣтъ. Въ Калужской губ. несомнѣнно переходные говоры слышатся въ западной части Мосальскаго у. (волости: Кобыльская, Сильковичская, Спасъ-Дѣминская и др.) и, должно быть, въ западной части Жиздринскаго у. (на западъ отъ Болвы); менѣе основаній считать переходными говоры остальной части Мосальскаго, Мещовскаго и Жиздринскаго уу., хотя и въ нихъ замѣчается немало бѣлоруссизмовъ. На югъ отъ Калужской губ. граница между переходными или бѣлорусскими и южновеликорусскими говорами идетъ по Брянскому и Трубчевскому уѣздамъ, приблизительно по рѣкѣ Деснѣ; но южновеликорусскіе говоры, лежащіе на востокъ отъ этой границы, т. е. говоры восточной части Брянскаго и Трубчевскаго, а также говоры Карачевскаго у. Орловской губ. въ свою очередь заключаютъ бѣлорусскія черты, которыя могутъ объясняться или тѣмъ, что эти говоры также переходные, т. е. въ основѣ своей бѣлорусскіе, или же южновеликорусскіе, испытавшіе въ свое время на себѣ бѣлорусское вліяніе. Точныхъ свѣдѣній объ южновеликорусскихъ говорахъ Черниговской губ. не имѣется. Указанные А. И. Соболевскимъ въ «Опытѣ» говоры Стародубскаго и Новгородъ-Сѣверскаго у. на самомъ дѣлѣ, повидимому, въ основѣ—бѣлорусскіе. Въ отвѣтахъ на краткія программы 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ есть свѣдѣнія о нѣкоторыхъ будто бы южновеликорусскихъ, но на

самомъ дѣлѣ переходныхъ говорахъ Мглинскаго, Стародубскаго, Новгородъ-Сѣверскаго и Глуховскаго уѣздовъ. Если и есть въ Черниговской губ. сплошное южновеликорусское населеніе, то развѣ только въ сѣверной части Мглинскаго и на востокъ Новгородъ-Сѣверскаго и Глуховскаго уѣздовъ.

Въ Курской и Воронежской губерніяхъ южновеликорусское нарѣчіе граничитъ съ малорусскимъ, которое занимаетъ южные уѣзды этихъ губерній, а именно, въ Курской губ.: части Путівльскаго, Рыльскаго, Суджанскаго, Грайворонскаго ¹⁾, Бѣлгородскаго, Корбчанскаго и Старооскольскаго уѣздовъ и весь Новооскольскій, причѣмъ въ Путівльскомъ и Рыльскомъ уу. границей между малорусскимъ и южновеликорусскимъ нарѣчіемъ служитъ приблизительно рѣка Сѣмь (Сеймъ); въ остальныхъ уѣздахъ граница точно по имѣющемуся матеріалу не можетъ быть указана. Въ Воронежской губ. уѣзды съ малорусскимъ или съ преобладаніемъ малорусскаго населенія: Валуйскій, Бирюченскій, Острожскій и Богучарскій; къ области малорусскаго языка относятся также части Нижнедѣвицкаго, Коротоякскаго, Павловскаго и Новохопёрскаго уѣздовъ.

Среди области, занятой южновеликорусскими говорами, попадаются отдѣльныя селенія и цѣлыя мѣстности, населенныя перевезенцами изъ другихъ областей Россіи, говорящими не на южновеликорусскомъ нарѣчій; таковы, наприм., говоръ 12 деревень Богородицкаго у. Тульской губ., принадлежащій къ числу переходныхъ средневеликорусскаго типа, сѣверновеликорусскіе говоры Воронежской губ. и др. ²⁾.

Съ другой стороны южновеликорусскіе говоры слышатся кое-гдѣ спорадически и внѣ южновеликорусской области, но эти говоры принадлежатъ исключительно позднимъ переселенцамъ.

1) Въ Грайворонскомъ у. южновеликорусскій говоръ отмѣченъ въ одномъ изъ отвѣтовъ на краткую программу въ сѣверовосточномъ углу уѣзда, на границѣ съ Обоянскимъ и Бѣлгородскимъ уѣздами.

2) Переходнымъ отъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія является также окаяющій говоръ села Урусова Венёвскаго у. (№ 102).

Южновеликорусскіе говоры распадаются на нѣсколько группъ, представляющихъ извѣстныя различія между собой, причемъ это распаденіе указываетъ на нѣсколько различныхъ періодовъ въ исторіи этихъ говоровъ. Въ числѣ первоначальныхъ или, по крайней мѣрѣ очень старыхъ признаковъ дѣленія слѣдуетъ назвать различія по характеру аканья. Южновеликорусскіе говоры Смоленской и большей части Калужской губ. отличаются диссимилятивнымъ аканьемъ, состоящимъ въ томъ, что передъ слогомъ со звукомъ «а» слышатся въ первомъ слогѣ слова послѣ твёрдыхъ согласныхъ вмѣсто старыхъ «а» и «о» звуки редуцированные или средняго ряда, а передъ слогомъ съ остальными гласными—звукъ «а» полнаго образованія; послѣ мягкихъ согласныхъ здѣсь господствуетъ произношеніе «и» передъ слогомъ съ «а» и звука «а» передъ слогомъ съ ударяемыми «у», «ы», «и»; въ произношеніи неударяемыхъ гласныхъ звуковъ передъ слогомъ съ остальными гласными здѣсь является колебаніе по говорамъ. Отступленія отъ изложеннаго правила въ говорахъ этого типа частью несущественны и не измѣняютъ общаго характера говора, частью вызваны стремленіемъ ихъ къ переходу въ говоры другого типа.

Другой видъ аканья какъ бы занимаетъ середину между только что описаннымъ аканьемъ помѣщичьихъ деревень Тульской губерніи. Это—аканье, распространенное въ Курской, Орловской, частью Тульской губ. и въ Области войска Донского. Здѣсь старымъ «а» и «о» послѣ твёрдыхъ согласныхъ соотвѣтствуетъ въ предударномъ слогѣ постоянно звукъ «а». Въ положеніи же послѣ мягкой согласной неударяемый гласный звукъ подвергся диссимилятивнымъ процессамъ, подобнымъ тѣмъ, какіе извѣстны въ говорахъ Калужской губ., т. е. старымъ «а», «е», «о» въ этомъ положеніи соотвѣтствуетъ звукъ «а» (я) передъ слогами съ гласной «ы», «у», «и» и звуки «и» или «е^і» передъ слогомъ съ гласною «а»; въ положеніи передъ слогами съ остальными гласными (е, о) въ разныхъ говорахъ являются колебанія въ произношеніи.

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ въ положеніи передъ твёрдой согласной диссимилятивный процессъ не дѣй-

ствуеть: вяснѧ, но: литѧть, лятѧ; въ другихъ — дѣйствуеть и т. д.

Отъ этого аканья — непосредственный переходъ къ типу аканья, распространенному преимущественно въ помѣщичьихъ деревняхъ Тульской губ.: отчётливо произносятся лишь гласныя ударяемыя, непосредственно предшествующія ударенію и гласныя начала или послѣдняго слога слова; при этомъ, въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію, вмѣсто старыхъ «а», «о» послѣ твёрдой согласной всегда — «а», а послѣ мягкой согласной изъ старыхъ «е», «а», «о» передъ твёрдой согласной «а», а передъ мягкой — «е'» или «п». Этотъ типъ аканья почти совпадаетъ съ аканьемъ, распространеннымъ въ переходныхъ говорахъ Московской губ., но врядъ ли связанъ съ послѣднимъ исторически. Аканье Тульского типа выдерживается въ говорахъ непослѣдовательно, вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія какъ съ выше описаннымъ аканьемъ, распространеннымъ въ Курской, Орловской и южной части Тульской губ., такъ и съ аканьемъ Рязанскаго типа.

Рязанское аканье слышится въ южновеликорусскихъ частяхъ Рязанской, Тамбовской, части Воронежской и, повидимому, въ Епифанскомъ и Ефремовскомъ уу. Тульской губ. Характеръ этого аканья такой: всякія старыя предударныя «а», «о», «е» (разнаго происхожденія) перешли въ звукъ «а» независимо отъ качества сосѣднихъ согласныхъ или гласной слѣдующаго слога; остальные неударяемыя гласныя звучатъ болѣе отчётливо, чѣмъ въ говорахъ съ Тульскимъ аканьемъ, причѣмъ звукъ «а» неударяемый является очень часто.

Кромѣ перечисленныхъ наиболѣе распространенныхъ типовъ аканья и нѣкоторыхъ видовъ аканья, вызванныхъ или смѣшеніемъ чертъ разныхъ говоровъ или переходомъ отъ одного типа къ другому (таковы наприм., говоры сѣвера Калужской губ., городскіе говоры и пр.), существуютъ нѣкоторые виды аканья, отмѣченные пока лишь въ немногихъ пунктахъ, отличающіеся отъ вышеописанныхъ.

Такъ, на сѣверо-востокѣ Крапивенскаго уѣзда, по сообщенію

одного наблюдателя, слышится своеобразное аканье: всякое предударное «е» перешло въ «а» (послѣ мягкой согласной); предударныя же «а» послѣ мягкой согласной и «ѣ»—въ «е» очень закрытое или и. Нѣчто подобное, кажется, представляет нѣсколько деревень въ Елифанскомъ у.; впрочемъ, опредѣленный выводъ сдѣлать изъ приведенныхъ наблюдателемъ примѣровъ трудно; можетъ быть, въ аканьѣ этихъ деревень отразилось смѣшеніе нѣсколькихъ говоровъ.

Въ сѣверномъ углу Ефремовскаго у. Тульской губ. (Куркинская волость) отмѣчено произношеніе «ѣ» послѣ твердой и «и» послѣ мягкой согласной вмѣсто старыхъ а, о, е въ начальномъ слогѣ слова даже непосредственно передъ удареніемъ независимо отъ качества слѣдующей согласной и гласной слѣдующаго слога («скыту, въ пыляхъ и пр.), тогда какъ въ нена начальномъ слогѣ послѣ твердой согласной—обязательно «а», послѣ мягкой—«а» или «и» (пирпилушка, пирвязи, виртяно).

Я не могъ по имѣющимся матерьяламъ провѣрить точно произношеніе неударяемыхъ гласныхъ не въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому, въ виду того, что въ отвѣтахъ на программы по этому вопросу я нашёлъ слишкомъ мало.

Есть возможность при изученіи каждаго говора намѣтить основной, т. е. первоначальный типъ аканья этого говора, но при этомъ приходится имѣть въ виду: а) факты, указывающіе на смѣшеніе говора съ другимъ, б) стремленіе, замѣчающееся во многихъ говорахъ, къ переходу въ говоръ съ менѣ сильнымъ аканьемъ. Въ силу этого, является предположеніе о болѣе позднемъ сравнительно съ другими типами происхожденіи нѣкоторыхъ особенностей тульскаго аканья. Къ сожалѣнію, имѣющійся въ распоряженіи Коммисіи какъ печатный, такъ и рукописный матерьялъ далеко не всегда даётъ возможность опредѣленно высказаться относительно характера аканья того или другаго говора.

Болѣе позднимъ признакомъ дѣленія говоровъ является различіе между ними въ характерѣ произношенія губныхъ, а частью и

другихъ звуковъ, связанное съ большею или меньшею лабиализаціею звуковъ. Минимальною лабиализаціею звуковъ является въ южновеликор. гов. Рязанской, Тамбовской, части Воронежской губ., южныхъ уѣздовъ Московской и сѣверныхъ — Калужской и Тульской. Вслѣдствіе этого въ указанныхъ говорахъ вовсе не извѣстенъ переходъ «в» въ «у» слоговое или неслоговое кромѣ немногихъ особенно благопріятныхъ для этого положеній; при этомъ неударяемое «а» и неударяемая гласная средняго ряда не переходятъ въ «у». Лишь въ немногихъ изъ этихъ говоровъ извѣстны формы въ родѣ «увайдетъ», «ува всѣхъ» (Ефремовскій и Епифанскій уу. Тульской губ.), какъ будто указывающія на нѣкогда усиленную лабиализацію «в», что вызвало переходъ его въ «ц», откуда «у» — «ў» — «ув».

Въ остальныхъ южновеликорусскихъ говорахъ, наоборотъ, гласные и согласные звуки въ извѣстныхъ положеніяхъ подвержены сильной лабиализаціи, вслѣдствіе чего согласная «в» въ результатѣ ряда измѣненій перешла въ однихъ случаяхъ въ «w» бибибиальное или въ «ц», въ другихъ — въ «у» слоговое или сочетание «ув» или же совсѣмъ выпала; передъ губными въ нѣкоторыхъ положеніяхъ развился звукъ «у», передъ начальнымъ «у» и «о» явилось «в» или «w», «ц» въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого «в» не было еще въ обще-русскомъ языкѣ; неударяемая гласная средняго ряда перешли въ нѣкоторыхъ положеніяхъ въ «у» и т. д. Всѣ перечисленныя явленія выражены въ говорахъ 2-го типа не въ одинаковой степени; можно замѣтить, что въ говорахъ болѣе южныхъ и болѣе близкихъ къ бѣлорусскимъ и малорусскимъ границамъ переходъ «в» въ «у» и появленіе неударяемаго «у» вмѣсто другихъ гласныхъ чаще, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ.

Основываясь на томъ, что въ нижнемъ своемъ теченіи рѣка Угра является границей между говорами, имѣющими «у» вмѣсто «в», и говорами, не смѣшивающими этихъ звуковъ, я еще въ 1903 году предположилъ, не совпадаетъ ли граница между обѣими группами говоровъ съ границею, бывшей въ XIV и XV вв. между Литовскимъ вел. княжествомъ и тянувшими къ нему Ново-

сильскимъ, Одоевскимъ, Перемышльскимъ и др. княжествами съ одной стороны и Московскимъ и Рязанскимъ великими княжествами — съ другой. Если бы это предположеніе оправдалось, то появленіе различія между 1-й и 2-й группами можно было бы приурочить къ XIV—XV вв.; слѣдовательно, образованіе главнѣйшихъ типовъ аканья пришлось бы отнести ко времени до XIV в. Къ сожалѣнію, сѣверныя границы распространенія на сѣверъ произношенія «у» вмѣсто «в» не опредѣлены (какъ разъ о говорахъ Тарусскаго¹⁾, Алексинскаго, сѣв. части Тульскаго и ю. ч. Венѣвскаго свѣдѣній не имѣется), какъ не опредѣлены и границы между распространеніемъ различныхъ типовъ аканья.

Изъ остальныхъ особенностей южновеликорусскаго нарѣчія обращаютъ на себя вниманіе такія черты, какъ произношеніе въ формахъ род. пад. ед. ч. муж. и ср. рода мѣстоименій и прилагательныхъ въ однихъ говорахъ — «у», въ другихъ — «в»; въ личныхъ формахъ глаголовъ 1-го спряженія въ однихъ говорахъ — «е», въ другихъ — ё; звуки «х», «хв» въ однихъ и «ф» — въ другихъ говорахъ; твёрдое или мягкое произношеніе «ш» и «ж» проспыхъ и удвоенныхъ и звука «р»; шепелеватое произношеніе шипящихъ и свистящихъ въ нѣкоторыхъ говорахъ; твердое или мягкое произношеніе согласныхъ передъ «е», «и»; смягченіе или отсутствіе смягченія «к» послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ; формы род.-вин. ед. личныхъ мѣстоименій «мене» и «меня» (?) въ разныхъ говорахъ; формы дат. ед. личныхъ мѣстоименій «табѣ», «тебѣ» и «таѣ»; болѣе или менѣе частое отпаденіе «ть» въ формахъ 3-го лица глаголовъ; пѣвучесть интонаціи или отсутствіе пѣвучести и т. п.

Большую часть этихъ чертъ говоровъ я пока отказываюсь разсматривать, какъ критерій для группировки говоровъ, такъ какъ, напримѣръ, такія черты, какъ «у» въ род. пад. ед. ч. м. р. мѣстоим. и прилаг., «е» (не «ё») въ личныхъ формахъ глаголовъ,

1) Отвѣты на программы по Тарусскому уѣзду ничего не даютъ по этому вопросу.

«х» и «хв» вмѣсто «ф» и, повидимому, смягченіе «к» послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ и пѣвучесть интонаціи, въ южновеликорусскихъ говорахъ служатъ только признаками болѣе архаичныхъ говоровъ, менѣе подвергшихся московскому вліянію, безъ всякаго указанія на какую-нибудь опредѣленную группу, и извѣстны въ Калужской, Тульской, Орловской, Воронежской, Курской, Рязанской, Тамбовской губб. и Области войска Донского. По наблюденію Е. О. Будде въ Рязанской губ. какъ будто первыя двѣ черты являются признакомъ говоровъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ, но этого нельзя сказать про всѣ такіе говоры. Эти архаизмы быстро убываютъ на нашихъ же глазахъ.

Относительно смягченія «к» послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ замѣчу, что между говорами, знающими это смягченіе, замѣчается та разница, что нѣкоторые изъ нихъ, хотя и имѣютъ «ч» мягкое, однако не смягчаютъ «к» послѣ «ч» (Курская губ.)

Мягкія шипящія «ш» и «ж» простыя и удвоенныя, а также мягкое «ц» извѣстны въ Калужскомъ и Жиздринскихъ уѣздахъ Калужской губ., а также, спорадически, въ немногихъ деревняхъ Тульской губ.; говоры съ этой чертой составляли, повидимому, нѣкогда одну группу, болѣе обширную.

Можетъ быть, въ родствѣ съ этими говорами стоять шепелятые и цокающіе говоры *саяновъ* Курской губ., хотя, кажется, правильнѣе предположить, что эти говоры — переходные, и что саяны переселились въ Курскую губ. откуда-нибудь съ сѣвера, скорѣе всего — изъ Псковской области, судя по характеру аканья и другимъ чертамъ.

Не вполне ясно для меня происхожденіе говоровъ съ твердымъ произношеніемъ согласныхъ передъ «е», «и». Такое произношеніе извѣстно не только въ Жиздринскомъ и Калужскомъ уу. Калужской и Бѣлевскомъ у. Тульской губ., но также и въ Скопинскомъ у. Рязанской губ. Во всякомъ случаѣ я не склоненъ видѣть здѣсь малорусское вліяніе.

Отпаденіе и сохраненіе — «ть» въ 3-мъ л. глаголовъ являются признаками опредѣленныхъ діалектическихъ группъ. Отпаденіе

почти неизвѣстно въ говорахъ Калужской губ. и очень распространено въ Тульской и Рязанской губб.

При нанесеніи матеріала по говорамъ на карту на ней придется отмѣчать прежде всего: а) характеръ аканья, б) характеръ произношенія губныхъ, причемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ достаточно отмѣтить основной, т. е. первоначальный характеръ произношенія; тѣ же видоизмѣненія въ произношеніи, которыя являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ модернизации говора, могутъ отмѣчаться развѣ только различной густотой окраски. Особо должны быть отмѣчены говоры со слѣдами бѣлорусскаго вліянія, причемъ, мнѣ кажется, нѣтъ надобности отмѣчать различную степень этого вліянія; впрочемъ, если и это можетъ быть достигнуто различной густотой краски, то отмѣчать. Мягкое произношеніе простыхъ и удвоенныхъ шипящихъ, а также твердое произношеніе согласныхъ передъ «е», «и» тамъ, гдѣ это не кажется случайностью, должно быть отмѣчено, какъ черты очень важныя. Наконецъ, для опредѣленія послѣдовательности въ измѣненіи говоровъ, необходимо различать на картѣ, какъ говоры болѣе архаичныя и менѣе архаичныя, говоры съ произношеніемъ «у» въ род. ед. прилаг. и «е» въ личныхъ *фф. глаголовъ съ одной стороны и говоры съ произношеніемъ «в» въ род. ед. прилаг. и «ё» въ личныхъ *фф. глаголовъ — съ другой ¹⁾.

Николай Дурново.

¹⁾ Настоящій отчетъ въ болѣе подробномъ видѣ будетъ напечатанъ въ Трудахъ Московской Діалектологической Коммисіи.

I.

Отчетъ проф. Вл. А. Францева.

Имѣю честь доложить Отдѣленію русскаго языка и словесности, что назначеннымъ мнѣ пособіемъ я воспользовался для продолженія своихъ занятій въ библіотекахъ Кракова, Львова и Праги, гдѣ мною собрано было значительное количество новаго матеріала для исторіи польскаго славяновѣдѣнія. Результатомъ моихъ разысканій является только-что изданный III отдѣленіемъ Чешской Академіи Наукъ (въ серіи: «Sbírka pramenův ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku») второй томъ переписки Добровскаго съ Бандтке, подъ загл.: «Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Jiřího Samuele Bandtkeho z let 1810—1827». V Praze, 1906.

Кромѣ того, на основаніи собраннаго въ русскихъ и иныхъ славянскихъ архивахъ и библіотекахъ матеріала, мною написано изслѣдованіе: «Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст.», заключающее въ приложеніяхъ значительное число впервые издаваемыхъ писемъ различныхъ славянскихъ ученыхъ. Заканчиваемое нынѣ печатаніемъ изслѣдованіе это немедленно будетъ представлено мною въ Отдѣленіе, какъ приложеніе къ отчету «Vzájemné dopisy Dobrovského a Bandtkeho» при семъ препровождаются.

Профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета.

Вл. Францевъ.

14 ноября 1906 г.

II.

Отчетъ С. Г. Вилинскаго.

Принося Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ глубокую благодарность за оказанное мнѣ пособіе для моей лѣтней командировки, честь имѣю представить слѣдующій отчетъ о своихъ занятіяхъ.

Цѣлью моей командировки было изученіе славянскихъ переводовъ патристическихъ твореній аскетическаго содержанія въ видахъ выясненія ихъ вліянія на русскихъ мистиковъ XV—XVI вв. Результатомъ командировки было:

1) возможность дополнить послѣднія главы заканчивающейся печатаніемъ диссертации о посланіяхъ старца Артемія выводами, вынесенными изъ наблюденій надъ указаннымъ взаимоотношеніемъ нашихъ и византійскихъ мистиковъ;

2) рефератъ, читанный мною въ Византійско-славянскомъ Отдѣленіи Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ 1-го ноября сего года, на тему: «Къ вопросу о происхожденіи ученія завожскихъ старцевъ». Въ этомъ рефератѣ я, также воспользовавшись результатами своихъ лѣтнихъ изученій, старался выяснитъ необходимость ограниченія мнѣнія, что именно византійскіе мистики XV вѣка повліяли на происхожденіе ученія завожскихъ старцевъ: путемъ детальнѣйшихъ слѣженій я указалъ на вліяніе въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктахъ со стороны другихъ аскетическихъ сочиненій (особенно Исаака Сиріина), далеко не всегда мистическаго характера; съ другой стороны, соображеніями о культурныхъ условіяхъ жизни русскаго общества XV и XVI вв. я старался выяснитъ возможность доли вліянія факторовъ бытовыхъ и туземныхъ. Въ настоящее время я обрабатываю этотъ рефератъ къ печати.

3) При занятіяхъ славянскими переводами византійскихъ мистиковъ я почувствовалъ весьма ошутительно отсутствіе разрабо-

танной литературной исторіи названныхъ переводовъ (на что между прочимъ справедливо указывалъ и проф. А. И. Пономаревъ въ своей рецензіи книги І. Морева: «Камень вѣры»). Это затрудняло для меня полученіе выводовъ, необходимыхъ для уясненія литературныхъ и культурныхъ движеній Московской Руси, и побудило меня обратиться къ самостоятельному изслѣдованію литературной судьбы переводовъ византійскихъ мистиковъ. Таковое изслѣдованіе я началъ изученіемъ сочиненій Исаака Сиріна, въ виду все болѣе и болѣе опредѣляющагося вліянія этого писателя на заволжскихъ старцевъ; въ настоящее время я изучаю присланные мнѣ въ Одессу изъ библіотеки Московской Духовной Академіи списки Исаака Сиріна №№ 151-а и 151-б, принадлежащіе къ двумъ различнымъ редакціямъ.

Наконецъ, матеріалами, добытыми во время лѣтней командировки, я въ самой широкой мѣрѣ воспользовался и для курсовъ, читаемыхъ мною въ нынѣшнемъ году въ Университетѣ («Литература XV и XVI вв.») и на Высшихъ женскихъ курсахъ («Литература Московской Руси»).

Въ настоящемъ году я напечаталъ:

1) «Посланія старца Артемія»—въ Запискахъ Новороссійскаго Университета; отпечатано уже изслѣдованіе съ приложеніями (416 стр.); въ настоящее время печатаются указатели, послѣ чего работа будетъ представлена въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности.

2) «Къ литературной исторіи житія Василія Новаго» въ томъ же журналѣ.

Свой отчетъ я считаю долгомъ завершить выраженіемъ глубокой признательности преосвященному Евдокиму, ректору Московской духовной академіи, и библіотекарю той же Академіи К. М. Попову за то сердечное отношеніе и вниманіе, съ какимъ они отнеслись къ моей работѣ.

Прив.-доцентъ С. Вилинскій.

III.

Отчетъ Л. Л. Васильева.

Въ началѣ истекающаго отчетнаго года я продолжалъ свои занятія по русской діалектологіи, начатыя еще въ прошломъ году (см. мой предыдущій отчетъ). Но не приведя ихъ къ желанному концу, я весной по нѣкоторымъ обстоятельствамъ снова вернулся къ занятіямъ русскимъ удареніемъ, при чемъ на этотъ разъ центромъ моихъ занятій было малорусское удареніе. Главнымъ образомъ я изучалъ прекрасные матеріалы «Етнографическаго Збірника»; но нѣкоторые выводы удалось сдѣлать на матеріалѣ Словаря Желеховскаго (особенное вниманіе при изученіи было удѣлено на категоріи словъ, имѣющихъ вмѣсто ожидаемаго *i* изъ древнихъ *ě*, *o* просто *e* и *o*).—Осенью я подготовилъ къ печати описаніе Вологодскаго евангелія XVI вѣка (о немъ см. въ моемъ Отчетѣ за 1904 годъ); печатается въ Русск. Фил. Вѣстникѣ. Подготавливая къ печати описаніе псковскаго сборника XIV—XV в. (см. тотъ же отчетъ), я по своимъ выпискамъ увидѣлъ, что этотъ памятникъ интересенъ не только по употребленію буквъ *ъ* и *є*, но и по употребленію буквъ *з* и *ь*. Пришлось провѣрить, оказалось, что трудъ не пропалъ даромъ, и мною установлена особая до сихъ поръ неизвѣстная «ореографія» по отношенію къ этимъ буквамъ: писать эти буквы, помимо нѣкоторыхъ другихъ случаевъ, между двумя одинаковыми буквами (почти безъ исключеній) и между свистящей и шипящей и, наоборотъ, между шипящей и свистящей.

Леонидъ Васильевъ.

Спб. 9 декабря 1906 г.

IV.

Отчетъ А. И. Яцимирскаго.

Характеръ моихъ научныхъ занятій за послѣднее время, опредѣлившійся послѣ окончанія магистерскихъ экзаменовъ и намѣченный въ Отчетѣ Отдѣленію за прошлый годъ, оставался такимъ же и въ нынѣшнемъ году.

I. Во время поѣздки лѣтомъ за границу 1) продолжалъ изучать въ Краковѣ и Львовѣ новѣйшую польскую литературу, отчасти первой половины XIX вѣка (особенно такъ-наз. «украинской школы»), пріобрѣлъ новыя изслѣдованія и изданія по тому же вопросу, вступилъ въ сношенія съ литературами критиками и нѣкоторыми беллетристами, отъ которыхъ получилъ неизвѣстныя въ печати автобіографическія свѣдѣнія; 2) описывалъ славянскія рукописи Львовскаго унив., среди которыхъ обращаютъ на себя вниманіе рукописи молдавскаго происхожденія (напр. Псалтырь съ толкованіями XV в., Апостолы 1540 и 1598 гг., Церковный Уставъ XVI в., Слова Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго 1616 г., Тактиконъ Никона Черногорца 1618 г., Сборникъ конца XVI в. съ произведеніями I. Златоуста, Елифанія Кипрскаго, Амфилохія Иконійскаго, Григорія Богослова, Василія Великаго, Каллиста и Прокла Константинопольскихъ и др.), а также нѣкоторыхъ частныхъ собраній (напр. у д-ра I. Франка, сдѣланы снимки въ натуральн. велич. съ нѣсколькихъ бывшихъ у него рукописей: отрывковъ изъ Ветхаго Завѣта очень мелкой скорописи XV в., Тактикона Никона Черногорца XVI в., Сборника апокрифовъ XVII в. и др.); 3) знакомился съ народнымъ искусствомъ гуцуловъ въ связи съ бытовой стороною, главн. обр. рѣзбой по дереву съ инкрустаціей, издѣліями изъ кожи и кости, керамикой, пользуясь частнымъ собраніемъ проф. М. Грушевскаго; знакомился съ украинскимъ «сокольствомъ» и др. русскими учрежденіями; 4) пополнялъ и исправлялъ мои раннія замѣтки о славянскихъ и румынскихъ рукописяхъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ въ Южной Венгріи (Карансебешѣ, Сибинѣ, Блажѣ,

Темешварѣ, Брашовѣ), а также свѣдѣнія о чегредскихъ болгаряхъ для давно задуманной «Исторіи славянской письменности у румынъ» (кое-что будетъ напечатано въ видѣ подготовительныхъ работъ).

II. За представленное въ Имп. Казанскій унив. изслѣдованіе о Григоріи Цамблакѣ на полученіе степени магистра славянской филологіи,—на основаніи отзыва орд. проф. А. И. Александрова о всѣхъ моихъ печатныхъ работахъ (см. А. И. Александровъ, «О трудахъ А. И. Яцимирскаго по слав. филологіи». Оттискъ изъ «Учен. Зап. Имп. Каз. Ун.», 1906 г. Казань 1906. Стр. 36) и публичнаго диспута 9-го апрѣля с. г., историко-филологическій факультетъ единогласно присудилъ мнѣ прямо степень доктора славянской филологіи, въ каковой степени правленіе унив. утвердило 20-го апрѣля.

III. Съ начала осенняго семестра читаю въ С.-Петербургскомъ унив. курсъ по «польской литературѣ (изящной) послѣ возстанія 1863 года», для весенняго готовлю продолженіе того же курса—о «польскомъ модернизмѣ сравнительно съ западно-европейскимъ (и русскимъ)»—и курсъ «по румынской филологіи» для славистовъ и романистовъ.

IV. По порученію Отдѣленія написалъ предисловія и допечаталъ начатыя работы П. А. Сырку: «Карансебешскій Октоихъ второй половины XIII в. Тексты, описаніе рукописи и снимки» (Спб. 1906. стр. XIII + 60 «Сборникъ» т. LXXXII. № 1) и «Изъ переписки румынскихъ воеводъ съ Сибинскимъ и Брашовскимъ магистратами. Тексты 28 слав. документовъ валашскаго происхожденія XV—XVII вв. городскихъ архивовъ Сибина и Брашова и Брюкентальскаго музея въ Сибинѣ. Спб. 1906. Стр. 30 + 35. «Сборникъ», т. LXXXII, № 2). Такого же характера и другія мои работы надъ начатыми П. А. Сырку изданіями: Общ-ва любит. древн. письм. и иск.—«Житіе Григорія Синаита, составленное конст. патр. Каллистомъ. Текстъ славянскаго перевода Житія по рукописи XVI в. и историко-археологическое введеніе» («Памятники» и т. д.) и С.-Петербургскаго университета—«Исторія о болгарскомъ народѣ іеросхим. Спиридонія».

V. По предложенію наслѣдниковъ П. А. Сырку подготовилъ къ печати 1) продолженіе и окончаніе библиографическихъ «Замѣтокъ» покойнаго профессора о славянскихъ рукописяхъ Бодлейской библіотеки въ Оксфордѣ (начало было помѣщено при жизни автора въ «Извѣстіяхъ Отд. русск. языка и слов. Академіи Наукъ»), по возможности сохраняя характеръ описанія самого описателя и обработавъ его лишь въ смыслѣ редакціи, и 2) его же замѣтки о славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ, для «Сборника» того же Отдѣленія. Въ виду разрозненности и случайности найденныхъ среди бумагъ покойнаго матеріаловъ, заставляющихъ думать, что наиболѣе существенные находятся въ неизвѣстномъ наслѣдникамъ мѣстѣ, — пока не рѣшаюсь сдавать въ печать предоставленныя мнѣ замѣтки и думаю, что найдутся дополненія къ нимъ, почему обратился въ Отдѣленіе съ просьбой отыскать всѣ рукописные отчеты П. А. Сырку о занятіяхъ его за границей для опредѣленія того, что могло исчезнуть изъ его библіотеки во время болѣзни.

VI. Считаю очень важнымъ популяризацию славянскихъ знаній, составляющихъ обыкновенно удѣлъ ученыхъ по профессіи, собираю матеріалы для доступной хрестоматіи славянскихъ поэтовъ (пока одного XIX в.), которая должна замѣнить устарѣвшую и вышедшую изъ продажи «Поэзію славянъ» Гербеля. Развитие славянскихъ литературъ особенно за послѣдніе 40 лѣтъ, ничѣмъ не отмѣченныхъ въ названной книгѣ, и отсутствіе хорошихъ готовыхъ переводовъ изъ видныхъ славянскихъ поэтовъ этого періода заставляютъ меня обращать на него особое вниманіе и озаботиться отысканіемъ новыхъ переводовъ. Безъ посторонней поддержки сдѣлать это одному пока трудно.

VII. За отчетный годъ напечатаны слѣдующія работы:

1. Изъ исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи XV—XVII вв. Введеніе въ изученіе славянской литературы у румынъ. Тырновскіе тексты молдавскаго происхожденія и замѣтки къ нимъ, съ 9 автотипическими снимками. СПБ. 1906. Стр. 08+CXVIII+176. («Памятники древней письменности и искусства», CLXII).

2. Изъ исторіи славянской проповѣди въ Молдавіи. Неизвѣстный произ-
Сборникъ II Отд. И. А. Н.

ведения Григорія Цамблака, подражанія ему и переводы монаха Гавріила. Съ 4 фототипическими снимками. СПб. 1906. Стр. 07+CLXVI+125 (тамъ же, CLXIII).

3. Валашскій Маркъ Аврелій и его поученія. По поводу изданія П. А. Лаврова. «Слова наказательныя, воеводы валашскаго Іоанна Нѣгоя къ сыну Θεодосію» (СПБ. 1904. «Памятники древней письменности и искусства, СЛП. *Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Академіи Наукъ*, 1905, IV, 339—374.

4. Францъ Прешернъ и его лирика. *Слав. Извѣстія*, 1905, VIII, 653—675.

5. Старо-българско църковно пѣние по старитѣ руски нотни рукописи отъ XVII и XVIII вѣковъ. Книга I, Литургия. Събралъ и наредилъ за употребяване въ Българската църква Анастасъ Николовъ. СПб. 1905. *Рец.* тамъ же 1905, VIII, 718—719.

6. Симеона Метафраста и Логовета списаніе міра отъ бытія и Лѣтовникъ, собранъ отъ различныхъ книгописецъ. Славянскій переводъ хроники Симеона Логовета съ дополненіями. Изданіе Имп. Акад. Наукъ. СПб. 1905. *Рец.* тамъ же, 1905, VIII, 719—720.

7. Марія Конопницкая. Литературная характеристика. Тамъ же 1906, I, 19—46.

8. Словаки въ водоворотѣ мадьяризации народностей Венгріи. Тамъ же, 1906, I, 73—76.

9. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Составилъ П. Ровинскій Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ, т. LXXX. СПб. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, I, 101—102.

10. В. Н. Бенешевичъ, Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 года. Къ древнѣйшей исторіи источниковъ права греко-восточной церкви. СПб. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, I, 107.

11. Извѣстія на историческото дружество въ София. Книга I. 1905. София. *Рец.* Тамъ же, 1906, I, 108—109.

12. Fletcher, G. O gosudarstvѣ russkom. Izdanie vtoroe. St. Ptbg. 1905. Al'pom Meierberga. Vidy i bytovyja kartiny Rossii XVII vѣka. St. Ptbg 1904. *Рец.* Český Časopis historický, 1906, ses I, 93—94.

13. Современная румынская беллетристика. (Очеркъ I). *Вѣстникъ иностр. литературы*, 1906, I, 129—134.

14. «Скормонъ» Разсказъ Ивана Славича. Переводъ съ румынскаго. Тамъ же, 1906, I, 134—140.

15. «Какъ Богъ дастъ». Разсказъ Николая Гане. Переводъ съ румынскаго. Тамъ же, 1906, I, 140—143.

16. Жизнь европейскихъ народовъ. Составлено М. И. Т. подъ редакціею В. В. Битнера. СПб. 1905. *Рец.* Národopisný Věstník česko slovanský, 1906, Leden, 12.

17. Пѣсни оренбургскихъ казаковъ. 1) Пѣсни историческія. 2) Пѣсни былевья. Собралъ сотникъ А. И. Мякутинъ. Изданіе оренбургскаго казачьяго войска. Оренбургъ. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, Leden, 20.

18. П. К. Симони. Камеръ-гуслистъ В. Ѳ. Трутовскій и изданный имъ первый русскій нотный пѣсенникъ. Съ приложеніемъ 18 снимковъ, нотъ и текста. М. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, Leden, 20—21.

19. Po rozpuštění Říšské Dumy. Naše Doba, 1906. (roč XIV), seš. I, 18—23; II, 96—105.

20. Иванъ Вазовъ, его поэзія и проза. Литературная характеристика. *Вѣстникъ иностр. литер.* 1906, II, 181—194. Переведено М. Геновымъ въ «*Българска Сбирка*», 1906, III, 160—167.

21. Мелкіе тексты и замѣтки по стар. русской и слав. литературамъ, ХLI—L. *Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Академіи Наукъ*, 1906, II, 295—331.

22. Научный Збірник, посвященный проф. М. Грушевському учениками и прихильниками з нагоди його десятилітньої наукової праці в Галичині. (1894—1904). Виданне Комітету. У Львові. 1906. *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 428—439.

23. Mardarie Kozianul. Lexicon slavo-românesc și tâlcuirea numelor din 1649, publicate... de Grigorie Crețu, prof. la liceul Mateiu Basarab... București. 1900 *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 439—443.

24. Józef Kallenbach. Czasy i ludzie. Warszawa. 1905. *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 444—446.

25. Стефанъ Жеромскій. Литературная характеристика. *Славянскія Извѣстія*, 1906, II, 129—144. Переведено по болгарски Л-вымъ въ «*Славянскія Гласъ*», 1906, III, 104—115.

26. Художники и мыслители разныхъ временъ и народовъ, ихъ литературная эпоха, жизнь, труды и мысли. XIX в. Польша. Генрихъ Сенкевичъ. Изданіе южно-русского общества печатнаго дѣла (въ серіи «Библиотека А. М. Оемеллиди»). Одесса. 1904. *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 196—197.

27. Г. Э. Зенгеръ. Двѣ петербургскія рукописи латинскихъ стихотвореній Яна Кохановскаго. Изъ «Записокъ Имп. Академіи Наукъ по истор.-фил. отд.» Томъ VII, № 1. СПб. 1905. *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 197—198.

28. Годишник на Софійския университетъ. I. 1904—1905. София. 1905. *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 199—200.

29. Čeští spisovatelé XIX století. Porádá Jaroslav Vlček. Sebrané spisy Boženy Němcové. Svazek II. «Babička. Obrazy z venkovského života». K vydání upravitel Marie Gebauerová. Nakladem Jana Laichtera v Praze. 1905. *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 201—202.

30. Jan Sten, Szkice krytyczne. Lwow. 1906. *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 202—203.

31. Tretiak Józef. Juliusz Słowacki. Historia ducha poety i jej odbicie w poezyi. Tom I. z 3 rycinami. Tom II. z 2 rycinami. W Krakowie, 1904. *Рев.* Тамъ же, 1906, II, 203—205.

32. Původ umění podle starých a nových teorií. Náčrtek I. Umění tonická. Národopisný Věstník československý, 1906. Unor, 33—40.

33. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки Александры Ефименко. Томъ I. СПб. 1905. Томъ II. СПб. 1905. *Рев.* Тамъ же, 1906, Unor, 47—48.

34. Искусство въ школѣ. *Вѣстникъ воспитанія*. 1906, III, 97—132.

35. Отъ первобытной пѣсни къ искусственной поэзии. *Вѣстникъ иностр. Литер.* 1906, III, 7—20.

36. «Черная шаль» А. Пушкина и народный румынскій романсъ. *Извѣстія отд. р. яз. и слов. Академіи Наукъ*, 1906, III.

37. Русское вліяніе на славянскія печатныя книги у румынъ XVII в. Тамъ же, 1906, III.

38. Адамъ Асныкъ. Литературная характеристика. *Славянскія Извѣстія*, 1906, III, 218—236.

39. Кафедра славяновѣдѣнія въ Румыніи. Тамъ же 1906, III, 258—261.
40. М. Г. Попруженко. Абагаръ. Изъ исторіи возрожденія болгарскаго народа. Изъ «Извѣстій отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ». СПб. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, III, 296—297.
41. Národopisný Věstník českoslovanský. Vydává společnost národopisného Musea česko-slovanského. V Praze. 1906. Leden—Duben. *Рец. Живая Старина.* 1906, III, 48—49.
42. Замѣтка о статьѣ В. Гнатюка. «Зносини українців з сербами» (изъ «Сборника, посв. проф. М. Грушевскому»). *Детонис Матице Српске*, 1906, III, 124—125.
43. Národopisné Museum císaře Alexandra III. v Petrohradě. Národopisný Věstník českoslov. 1906, Březen., Отд. оттискъ, 1—9.
44. Sztuka ludowa w Polsce. Napisał Kazimierz Mokłowski. Львовъ, 1905 *Рец. Ист. Вѣстникъ*, 1906, III, 1050—1051.
45. Новая повѣсть Ожешковой. *Вѣстн. иностр. литературы*, 1906, IV, 282—286.
46. Вацлавъ Сѣрошевскій. Литературная характеристика. *Славянскія Извѣстія*, 1906, IV, 229—245.
47. Древне-славянская Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій. Трудъ В. Н. Бенешевича. Томъ I, выпускъ I. Изданіе Отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ. СПб. 1906. *Рец.* Тамъ же, 1906, IV, 292—293.
48. В. Н. Златарскій. Сколько Бесѣдъ написалъ Козьма Пресвитеръ? Харьковъ. (Изъ «Сборника статей по славяновѣдѣнію, посвященныхъ проф. М. С. Дринову»). *Рец.* Тамъ же, 1906, IV, 293—294.
49. Adolf Patera. Čtenie zimního času. Z rukopisu XIV stol. Musea Království Českého v Praze k tisku upraveno.... Прага. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, IV, 295.
50. Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Имп. Моск. унив. Подъ ред. В. Харузиной. IV. Вѣрованія. В. Харузина. Матеріалы для библіографіи этнографической литературы. СПб. 1905. *Рец. Národopisný Věstník českoslovanský*, 1906, Duben, 105—106.
51. Школа у современныхъ славянъ въ фактахъ и цифрахъ. *Русская Школа*, IV, 59—84; V—VI, 54—76.
52. Андрей Немоевскій. Литературная характеристика. *Славянскія Извѣстія*, 1906, V, 305—316; VI, 441—450.
53. С. С. Бобчевъ. Къ болгарската правна история и обичайното право. Софія. 1906; Его же, Приносъ къмъ исторіята на българското възраждане. Софія. 1905; Его же, Обычай и законъ. Страница изъ «Исторіи древне-болгарскаго права», СПб. 1906; Его же, Придъ (агырыкъ)—болгарская кладка. *Рец.* Тамъ же, 1906, V, 398—399.
54. dr. Jsidor Th. Zahrandík, Slovník latinsko-německo-český pro Ladislava Pohrobka, krále českého. Прага. 1906. *Рец.* Тамъ же, 1906, V, 399—400.
55. Česká Bibliografie. Sestavil dr. Zdeněk V. Tobolka, amanuensis C. K. Veřejné a Universitní knihovny v Praze. Svazek II. Za rok 1903. Прага. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, V, 400—401.
56. František Bartoš. Dialektický Slovník moravský. část' I (A — ožvanat'sa). Прага. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, V, 401.

57. Нѣсколько моментовъ изъ исторіи русскаго религіознаго мистицизма въ XIX вѣкѣ. *Страники*, 1906, V, 734—747; VI, 899—912.
58. Александръ Свентоховскій и его публицистическіе фельетоны. (Очеркъ изъ недавняго прошлаго и настоящаго польской прессы). *Вѣстникъ Знанія*, 1906, VI, 198—213.
59. Владиславъ Реймонтъ, его романы и рассказы. Литературная характеристика. *Вѣстн. иностр. литер.*, 1906, VI, 133—150.
60. Славянскій моралистъ XV вѣка Петръ Хельчицкій. *Славянскія Извѣстія*, 1906, VI, 464—471.
61. С. Кульбакинъ. Историческое развитіе и современное состояніе славянскаго языкознанія. СПб. 1906. (Изъ «Журнала Мин. Народн. Просв.» 1906, кн. V). *Рец.* Тамъ же, 1906, VI, 488—490.
62. «Какъ румыны умираютъ». Рассказъ Александра Влахуцы. Переводъ съ румынскаго. *Вѣстн. иностр. литер.*, 1906, VII, 129—132.
63. La Revue Slave politique, litteraire et artistique. Tome premier. 1—2 Парижъ, 1906. *Рец. Истор. Вѣстн.*, 1906, VII, 286—287.
64. Стеф. Цанковъ. Патриархъ Евтимій. Издава св. Синодъ на Българската Църква. София. 1906. *Рец. Славянскія Извѣстія*, 1906, VII, 576—577.
65. Ruská literatura z 1905. Slovanský Přehled, 1906, VII, 293—299; VIII, 362—369.
66. Е. В. Аничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ ч. II. Отъ пѣсни къ поэзіи. СПб. 1905. *Рец. Národopisný Věstník česko-slovanský* 1906, Zaří, 213—214.
67. Первобытная поэзія (въ связи съ вопросомъ о процессѣ народно-поэтического творчества). Составилъ П. И. Сакулинъ М. 1905. *Рец.* Тамъ же, 1906, Zaří, 214.
68. Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. СПб. 1905 *Рец. Slovanský Přehled*, 1906, VIII, 384—388.
69. А. Л. Волынский. Достоевскій. СПб. 1906. *Рец. Българска Сбирка*, 1906, VIII, 526—527.
70. Л. Шепелевичъ. Историко-литературные этюды. Серіи I—II, СПб. 1906. *Рец.* Тамъ же, 1906, VIII, 527—528.
71. Соціальные мотивы у Ожешковой. *Вѣстникъ Знанія*. 1906, IX, 24—33.
72. Болеславъ Прусь и его повѣсти. Литературная характеристика. *Русская Мысль*, 1906, IX, 103—124.
73. К. К. Арсеньевъ. Салтыковъ-Щедринъ. Литературно-общественная характеристика. Библіотека «Свѣточа» подъ ред. С. А. Венгерова. СПб. 1906. *Рец. Българска Сбирка*, 1906, IX, 591—593.
74. Соціальные мотивы у Сѣрошевскаго. *Вѣстникъ Знанія*. 1906, X.
75. Памяти поэта изъ народа. Съ портретомъ Н. А. Панова. *Истор. Вѣстн.*, 1906, X, 290—297.
76. Пѣвецъ страданій благородныхъ душъ (Стефанъ Жеромскій и его повѣсти). *Русская Мысль*, 1906, X, 95—111.
77. První dni ruského parlamentu. Naše Doba. 1906, IX, 641—649; X, 748—754; XI, 814—822.
78. Украинскій «Соколъ» въ Галичинѣ. *Украинскій Вѣстникъ*, 1906, XI, 798—804.

79. Францискъ Новицкій и его поэзія. Литературная характеристика. *Вѣстн. иностр. литер.*, 1906, XI, 221—230.

80. «Крестовые братья». Разсказъ Александра Влахуцы. Переводъ съ румынскаго. Тамъ же, 1906, XI, 89—92.

81. «Наказаніе». Разсказъ Стефана Жеромскаго. Переводъ съ польскаго. Тамъ же, 1906, XI, 92—98.

82. Элиза Ожешкова. (Къ 40-лѣтію ея литературной дѣятельности). Тамъ же, 1906, XI, 257—261.

83. Старинныя руководства по иконописи. (По поводу изданія «Иконописнаго Подлинника» Комитетомъ попечительства о русской иконописи). *Странникъ*, 1906, XI—XII.

84. Обзоръ новыхъ изслѣдованій и изданій по русской литературѣ. *Русская Школа*, 1906, XI—XII.

85. Драгутинъ Ильичъ. «Осанна». Переводъ съ сербскаго. *Русскій Паломникъ*, 1906, № 13, 203—204, № 14, 218—221.

Въ дополнительныхъ томахъ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза—Ефрона помѣстилъ до 300 замѣтокъ о пропущенныхъ и новыхъ славянскихъ и русскихъ писателяхъ; изъ нихъ наиболѣе крупныя: Каспровичъ, Константиновъ, Ланге, Мириамъ, Немоевскій, Новачинскій, Новицкій, Оппманъ, Орканъ, Прешернъ, Пшибышевскій, Реймонтъ, Рыдель, Стень. Стафъ, Сѣрошевскій и др.

А. И. Яцимирскій.

V.

Отчетъ В. И. Рѣзанова.

Принося Отдѣленію русскаго языка и словесности глубокую благодарность за оказанную мнѣ поддержку назначеніемъ единовременнаго денежнаго пособія, имѣю честь представить отчетъ о своихъ занятіяхъ:

Собирая матеріалы для освѣщенія исторіи русской драмы XVIII столѣтія, во время 4-хъ мѣсячной (съ 1 января сего 1906 года) заграничной командировки, я работалъ въ Парижской Національной Библіотекѣ. По изученіи французскихъ рукописныхъ (трехъ) и старопечатнаго текстовъ и старонѣмецкаго перевода романа о Петрѣ графѣ Прованскомъ, а также старонѣмецкихъ драматическихъ обработокъ этого романа, мной составленъ историко-литературный комментарий къ изданному въ 1 книгѣ X тома Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и слов. русскому тексту драмы о

Петръ Златыхъ ключахъ; этудь этотъ представленъ для напечатанія въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов.»

Въ отдѣленіи манускриптовъ той-же Національной библіотеки имѣются рукописи (второй половины XVIII вѣка) нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ Сумарокова. Я сличилъ тексты ихъ съ Новиковскимъ изданіемъ сочиненій Сумарокова; результаты этой работы, вмѣстѣ съ описаніемъ рукописныхъ сборниковъ, въ которыхъ названныя пьесы заключаются, изложены въ представленной мной для напечатанія въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. статьѣ подъ названіемъ: «Парижскіе рукописные тексты сочиненій Сумарокова».

Собіраніе матеріаловъ для объясненія русской драмы я продолжалъ въ Мюнхенѣ, работая въ Staats-Bibliothek и въ Universitäts-Bibliothek, и въ Фрейбургѣ (Швейцарскомъ) — въ университетской библіотекѣ (въ составъ которой вошла старая библіотека іезуитскаго коллегіума). Здѣсь я сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на іезуитской школьной драмѣ, изучая съ одной стороны старыя (преимущественно XVII вѣка) теоретическіе трактаты (Скалигера, Понтана, Масена, Menestrier, du Cugne, Jouvancy, Le Jay, Lang и др.), а съ другой — тексты пьесъ (Бидерманна, Аванцина, Кауссина, Le Jay и др.) и сохранившіяся программы пьесъ, текстъ которыхъ утраченъ или неизвѣстенъ; огромная коллекція такихъ программъ (подъ названіемъ «Periöchae») имѣется въ Мюнхенской Staats-Bibliothek. У меня не хватило времени, чтобы закончить эти изученія; уже выяснилась однако необходимость вопросъ о русскихъ «школьныхъ дѣйствахъ», ихъ источникахъ и о тѣхъ вліяніяхъ, подъ какими эти «дѣйства» развивались, подвергнуть новому пересмотру, причемъ должны быть ближайше изучены теоретическія сочиненія и тексты драмъ (или хотя программъ пьесъ), возникшіе въ школьной средѣ на польской почвѣ и хранящіеся въ библіотекахъ и архивахъ главнымъ образомъ Кракова, Стокгольма и Упсалы.

Въ настоящее время я приступилъ къ печатанію въ «Извѣстіяхъ И.-Ф. Института кн. Безбородко» текстовъ шести неиз-

данныхъ еще южно-русскихъ школьныхъ драмъ XVII—XVIII вв. (по рукописямъ библіотеки Института) въ качествѣ приложенія къ подготовляемому мной изслѣдованію «Изъ исторіи русской драмы».

Наставникъ студентовъ Института кн. Безбородко

Владиміръ Рѣзановъ.

VI.

Отчетъ Ю. А. Яворскаго.

Назначенная мнѣ Отдѣленіемъ на первое полугодіе текущаго 1906 г. стипендія, позволивъ мнѣ значительно сократить мои заработныя учительскія занятія, тѣмъ самымъ дала мнѣ возможность возобновить снова мои спеціальныя научныя занятія, которыя въ прошломъ году, хлѣба насущнаго ради, я былъ принужденъ прекратить почти совершенно.

Тѣмъ не менѣе, однако, и теперь еще для научныхъ занятій оставались у меня слишкомъ рѣдкіе и короткіе свѣтлые промежутки, вслѣдствіе чего я и не былъ въ состояніи использовать и сосредоточить ихъ на какой-нибудь крупной и цѣльной работѣ, но поневолѣ долженъ былъ ограничиваться только болѣе или менѣе случайнымъ собираніемъ матеріаловъ и мелкими, отрывочными разысканіями и замѣтками.

Такимъ образомъ, въ итогѣ за истекшее полугодіе я могу доложить Отдѣленію только о слѣдующихъ скромныхъ результатахъ моихъ научныхъ занятій въ области русской народной словесности и древне-русской письменности:

1) «Къ вопросу объ участіи русской народной словесности въ литературномъ общеніи Востока и Запада». — Сравнительно-литературный обзоръ старыхъ и новыхъ версій фавльи объ отравленномъ мужѣ (см. напр. Драгоманова Преданія, стр. 165, Манжуры Сказки, стр. 92 и др.); русскую народную словесность я

считаю непосредственнымъ передаточнымъ этапомъ въ переходѣ даннаго сюжета съ востока на западъ.

2) «Три старца» Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня. — (Читано въ засѣданіяхъ Историч. о-ва Нестора-Лѣтописца 24 сентября и 8 октября с. г.)

3) «Апокрифическіе мотивы въ русской народной словесности». I. Мотивъ о чудесно выросшемъ и созрѣвшемъ хлѣбѣ въ апокрифахъ и въ народной словесности.

4) «Къ исторіи карпато-русской легенды XVIII в.» Литературная исторія. «Слова о единой дѣвицѣ пустинножительницѣ» (напечатаннаго Макушевымъ въ «Ж. М. Н. П.», сентябрь 1881 г., стр. 105—108.)

5) «Къ исторіи галицко-русского фольклора XVIII в.» I. Два судебныхъ дѣла о колдовствѣ по актамъ 1779 и 1781 гг. II. Метеорологическія примѣты въ записи конца XVIII в.

6) «Мелкіе матеріалы для исторіи Измарагда». I. Отрывокъ малорусскаго Измарагда XVII в. (по рукописи Архіепископальнаго церковно-историч. музея во Львовѣ.) II. Описаніе Измарагда XVI в. Кіев. Михайловскаго монастыря (№ 492—1651); статьи въ этомъ Измарагдѣ расположены по группамъ, сообразно авторамъ (ср. Яковлева, Опытъ изслѣдованія Измарагда, стр. 291), — чего не замѣтилъ Н. И. Петровъ, опредѣлившій большую часть даннаго Измарагда просто «проложными поученіями» (Описаніе рукоп. собр. въ Кіевѣ, II, 218.)

7) «Къ исторіи древне-русского Луцидаріуса». Новонайденная сокращенная редакція по рукописи XVIII в.

Всѣ вышеозначенныя работы вполне готовы и должны появиться въ ближайшемъ времени въ печати.

Сверхъ того долженъ я замѣтить, что также и въ отчетномъ полугодіи я не упустилъ изъ виду задуманныхъ раньше двухъ большихъ работъ, для которыхъ по возможности продолжалъ собирать новые матеріалы. Это:

1) Русскіе Эзопы — житіе и басни Эзопа въ русскомъ переводѣ по рукописямъ XVII и XVIII вв.

2) Сборное изданіе древне-русскихъ легендъ, а именно: а) легендъ изъ «Патериковъ» и «Пролога»; б) изъ «Великаго Зеркала»; в) изъ другихъ западно-европейскихъ сборниковъ.

Вполнѣ сознавая огромную трудность удовлетворительнаго и цѣлесообразнаго выполненія этихъ крупныхъ работъ, особенно второй изъ нихъ, требующихъ многолѣтнихъ, кропотливыхъ разысканій и свѣрокъ въ массѣ сырого рукописнаго матеріала, хранящагося, главнымъ образомъ, въ недоступныхъ мнѣ нынѣ столичныхъ русскихъ библіотекахъ, — я долженъ съ сожалѣніемъ признать, что за отчетное время я успѣлъ сдѣлать для этой цѣли только очень немного, преимущественно по схематизаціи и библіографіи данныхъ вопросовъ. Вся же существенная, главная часть работы еще далеко впереди.

Въ заключеніе позволяю себѣ довести до свѣдѣнія Отдѣленія о предпринятомъ мною въ мѣсяцахъ іюнѣ и іюлѣ с. г. — съ цѣлью пріобрѣтенія старинныхъ рукописей — путешествіи по нѣкоторымъ уѣздамъ Галичины (новосандецкомъ, грибовскомъ, горлицкомъ и дрогобычскомъ), результаты котораго оказались сравнительно довольно благопріятными.

Между прочимъ, мнѣ удалось найти и пріобрѣсти — по церквамъ и у крестьянъ — слѣдующія болѣе или менѣе замѣчательныя рукописи: «Прологъ», сентябрьская половина, писанный въ Судовой Вишнѣ 1579 г.; «Учительное евангеліе», на западно-галицко-русскомъ нарѣчій, конца XVI или нач. XVII в.; «Гостинець до неба», зап.-гал.-русскій переводъ съ польскаго, XVIII в.; наконецъ, цѣлыхъ десять сборниковъ духовныхъ пѣсенъ и виршъ, второй половины XVIII-го и нач. XIX в., въ томъ числѣ интересный сборникъ 1789 г. свящ. Іоанна Олеснѣцкаго и полный Богогласникъ (въ двухъ частяхъ, не съ печатнаго) 1799—1802 гг. Григорія Чирнянскаго. Подробное описаніе всѣхъ этихъ рукописей, а также и остальныхъ рукописей моего собранія, я предполагаю составить и опубликовать въ самомъ непродолжительномъ времени.

Вотъ и все, что я могу доложить Отдѣленію о моихъ скром-

ныхъ научныхъ занятіяхъ за истекшее первое полугодіе 1906 г. Принося Отдѣленію мою глубокую благодарность за оказанную мнѣ поддержку, я прошу не судить меня строго, принимая во вниманіе, что я—среди крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условий жизни—*feci, quod potui*. . .

Юльянь Яворскій.

Кіевъ, 28 ноября 1906 г.

**Отчетъ о научныхъ занятіяхъ въ 1906 году приватъ-доцента
Московскаго Университета Н. Н. Дурново.**

Принося глубокую благодарность за поддержку, оказанную мнѣ Отдѣленіемъ въ первой половинѣ 1906 года, имѣю честь представить отчетъ о моихъ научныхъ занятіяхъ въ 1906 году.

Въ нынѣшнемъ году занятія мои, какъ и прежде, были тѣсно связаны съ дѣятельностью состоящей при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ Коммисіи по составленію діалектологической карты Россіи. Здѣсь я прочёлъ два доклада, посвященные рецензіи статей по языку, появившихся въ 1906 году, закончилъ обработку матерьяла по южновеликорусскимъ говорамъ для діалектологической карты русскаго языка, продолжалъ начатыя мною работы по исторіи великорусскихъ переходныхъ говоровъ, пересмотрѣлъ Хмыровскіе картоны Московскаго Историческаго Музея, откуда извлѣкъ много матерьяла для составляемаго Коммиссіей библіографическаго списка трудовъ по русскому языку, составилъ проектъ краткой программы для собиранія свѣдѣній по южновеликорусскимъ говорамъ, въ виду того, при разработкѣ свѣдѣній по южновеликорусскому нарѣчію въ Діалектологической Коммисіи выяснилась необходимость добавить нѣкоторые вопросы, неизмѣняющіеся въ прежнихъ краткихъ программахъ, и нѣсколько видоизмѣнить формулировку нѣкоторыхъ старыхъ вопросовъ, и т. д.

Кромѣ этихъ работъ для Коммисіи по составленію діалектологической карты Россіи я написалъ подробный разборъ книги проф. Е. Θ. Будде: «Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина». Этотъ разборъ былъ вызванъ тѣмъ, что, признавая за капитальнымъ трудомъ Е. Θ. очень важное научное значеніе, я расхожусь съ нимъ въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ пунктахъ. Такъ, между прочимъ, я не совсѣмъ согласенъ съ его пониманіемъ того что слѣдуетъ называть языкомъ Пушкина, и съ его грамматической классификаціей. Имѣю въ виду, напримѣръ: 1) нерѣдкія у

проф. Будде замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «Произношенія *те*, *тя*... не принадлежать Пушкину, но заимствованы имъ у народа и внесены въ рѣчь простолюдиновъ, гдѣ этого требуетъ содержаніе произведенія». (I, 19). Я думаю, что всѣ формы, употребленныя писателемъ не въ цитатахъ, слѣдуетъ считать принадлежащими языку писателя, но только въ томъ употребленіи, въ какомъ онѣ встрѣчаются въ его произведеніяхъ; по отношенію къ данному случаю, — «те», «тя» въ рѣчи простолюдина свойственны языку Пушкина, но не употребляются имъ въ собственныхъ репликахъ и въ рѣчи не простолюдина. Между тѣмъ, проф. Будде, выкидывая нѣкоторыя формы, употребляемыя Пушкинымъ въ его произведеніяхъ, изъ языка Пушкина, рассматриваетъ другія формы иногда безотносительно ко времени и условіямъ ихъ употребленія.

2) Нестрого проведенныя грамматическіе принципы въ классификаціи склоненій и спряженій. Такъ, во 2-мъ правильномъ склоненіи имѣнь существительныхъ проф. Будде объединяетъ имена съ совершенно различными формами всѣхъ падежей (имена женск. р. на «а» и на «ъ»); наоборотъ, къ 3-мъ совершенно различнымъ категоріямъ отнесены склоненія словъ: «глухой», «другой» и «такой», и т. д.

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году я приготовилъ для печати часть начатаго мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ описанія богослужебныхъ рукописей Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и написалъ по порученію Историко-филологическаго факультета для Отчета Московскаго Университета некрологъ проф. Матвѣя Ивановича Соколова.

Въ Славянской Коммисіи Импер. Московскаго Археологическаго Общества я прочелъ въ нынѣшнемъ году слѣдующіе доклады: 1) Памяти Иларіона Руварца, 2) Памяти Стефана Сремца, 3) О неизданныхъ трудахъ Матвѣя Ивановича Соколова. Послѣдній докладъ будетъ напечатанъ во 2-мъ выпускѣ IV тома Трудовъ Славянской Коммисіи.

Съ осени нынѣшняго года я читаю въ Университетѣ курсы

по исторической діалектологіи русскаго языка и по исторіи русскаго языка и веду просеминарій по русскому языку и семинарій по древней русской литературѣ.

Въ печати, кажется, въ нынѣшнемъ году должна появиться моя статья «Легенда о заключѣнномъ бѣсѣ» (см. мой прошлогодній отчётъ), которая была уже совсѣмъ закончена еще въ прошломъ году, но не можетъ до сихъ поръ появиться, благодаря задержкѣ въ выпускѣ IV тома Трудовъ Славянской Коммисіи, гдѣ она помѣщена.

Приватъ-доцентъ Московскаго Университета

Николай Дурново.